

ИНОГДА

ЕСЛИ
ВЫ ИЩЕТЕ
ЧТО-ТО В ДУХЕ
«ИСЧЕЗНУВШЕЙ»,
ЭТА КНИГА
ДЛЯ ВАС
COSMOPOLITAN

18+

ЭЛИС ФИНИ

Я ЛГУ

Двойное дно: все не так, как кажется

Элис Фини

Иногда я лгу

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Фини Э.

Иногда я лгу / Э. Фини — «Издательство АСТ»,
2017 — (Двойное дно: все не так, как кажется)

ISBN 978-5-17-106011-4

Эмбер просыпается и обнаруживает, что не может двигаться и говорить. Вслушиваясь в разговоры возле ее кровати, она понимает, что лежит в коме. Что с ней произошло? Она не помнит. Постепенно вместе с ней мы начинаем распутывать замысловатый клубок ее жизни. Что скрывает ее муж? Какую страшную тайну знает ее сестра? Говорит ли хоть кто-нибудь правду? Разгадка за разгадкой, мы приближаемся к финалу, который объяснит нам все, – а может, запутает еще больше.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-106011-4

© Фини Э., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Сейчас	6
Недавно	8
Сейчас	14
Недавно	17
Сейчас	21
Недавно	25
Давно	28
Сейчас	30
Недавно	33
Давно	36
Недавно	38
Сейчас	41
Недавно	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Элис Фини

Иногда я лгу

Посвящается моему Даниэлю. И ей

Alice Feeney
SOMETIMES I LIE

Серия «Двойное дно: все не так, как кажется»

Печатается с разрешения агентств Curtis Brown Group Limited и The Van Lear Agency

Перевод с английского *Виктора Липки*
Под редакцией *Валентины Люсиной*
Оформление обложки *Яны Паламарчук*

© Alice Feeney, 2017
© Липка В., перевод, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Меня зовут Эмбер Рейнольдс. Обо мне вам следует знать три вещи:

1. Я лежу в коме.
2. Мой муж меня больше не любит.
3. Иногда я лгу.

Сейчас

День рождественских подарков, 26 декабря 2016 года

Меня всегда восхищало особое состояние невесомости в промежутке между сном и явью. Эти драгоценные полубессознательные мгновения, перед тем как ты открываешь глаза, когда ты еще продолжаешь верить, что твои сны могут быть реальностью. Момент острого наслаждения или острой боли, пока чувства не перезагрузятся и не сообщат тебе, кто ты и что ты. Короткий миг, на какую-то секунду дольше обычного, я наслаждаюсь целительной иллюзией, представляя, что могу оказаться кем угодно и где угодно, что меня можно любить.

Сквозь закрытые веки пытается пробиться свет, мое внимание привлекает платиновое кольцо на пальце. Сегодня оно будто тяжелее, чем обычно, и как-то даже тянет меня к земле. Тело накрыто простыней, она пахнет непривычно, и в голову приходит мысль, что я, вероятно, в отеле. Воспоминания о сновидениях бесследно испарились. Я пытаюсь оттянуть момент окончательного пробуждения, пытаюсь остаться кем-то другим и задержаться там, где меня больше нет, – но напрасно. Ничего не изменилось: я это я, и нахожусь там – теперь это уже понятно, – где мне совсем не хочется. Все тело болит, меня одолевает такая усталость, что даже нет желания открывать глаза. И вдруг я вспоминаю, что даже если захочу, у меня это все равно не получится.

По телу порывом ледяного ветра проносится паника. Память ничего не говорит о том, что это за место и как меня сюда занесло, но зато мне известно, кто я: *Меня зовут Эмбер Рейнольдс; мне тридцать пять лет; у меня есть муж Пол.* Эти три факта крутятся в голове, будто пытаюсь меня спасти, хотя мне и ясно, что в этой истории недостает нескольких глав, что из нее вырвали пару последних страниц. Собрав воспоминания в кучу, насколько это вообще возможно, я хороню их до тех пор, пока они не успокаиваются в голове, пока ко мне не возвращается способность думать, чувствовать и предавать осмыслению все, что произошло. Один отголосок прошлого отказывается уходить, упорно пробиваясь на поверхность, но у меня нет желания ему верить.

В сознание врывается мерный рокот какого-то аппарата, лишая последней надежды, оставляя меня наедине с пустотой, которую заполняет единственно понимание, что я лежу на больничной койке. От стерильной вони палаты меня тошнит. Ненавижу больницы. Они – обители смерти и сожалений, теперь совершенно неуместных, и совсем не то место, где мне когда-нибудь хотелось бы побывать, тем более в качестве пациента.

Недавно – вспомнила! – здесь были какие-то люди, совершенно мне незнакомые. Произнесли слово, которое мне совсем не хотелось слышать. Все суетились, говорили на повышенных тонах, в воздухе висел страх, и не только мой. Я стараюсь откопать в памяти что-нибудь еще, но разум отказывается мне служить. Случилось что-то очень плохое, но что и когда – я вспомнить не могу.

Почему здесь нет его?

Задавать вопрос, заранее зная на него ответ, может быть опасно.

Он меня не любит.

Эту мысль я откладываю на потом.

До слуха доносится звук открываемой двери. Шаги, потом вновь наступает тишина, но какая-то испорченная, которую уже нельзя назвать непорочной. В нос бьет стойкий, прогорклый запах табака, справа раздается скрип бегающей по бумаге ручки. Слева кто-то кашляет, и я понимаю, что их двое. Чужаки, скрывающиеся во тьме. Становится холоднее, чем раньше, я какусь себе ужасно маленькой. Такого ужаса, как сейчас, раньше я никогда не знала.

Хочется, чтобы кто-нибудь что-то сказал.

– Кто она? – спрашивает женский голос.

– Понятия не имею. Бедняжка, какой ужас! – отвечает ей другой, тоже женский.

Уж лучше бы молчали. Я кричу:

Меня зовут Эмбер Рейнольдс! Я радиоведущая! Почему вы не знаете, кто я?

Я повторяю одно и то же снова и снова, но на меня никто не обращает внимания, потому что снаружи я молчу. Во внешнем мире я никто, у меня даже нет имени. Я хочу, чтобы они посмотрели на меня. Хочу сесть, протянуть руку и прикоснуться к ним. Хочу опять что-нибудь ощутить. Что угодно. Кого угодно. Хочу засыпать их вопросами. Думаю, у меня есть право получить на них ответы. Они повторили то же слово, что говорили и другие, слово, которое я не хочу слышать.

Медсестры закрыли за собой дверь, но слово с собой не забрали – теперь мы остались с ним один на один, и у меня больше нет возможности его игнорировать. Я не могу открыть глаза. Не могу двигаться. Не могу говорить. Слово пузырем всплывает на поверхность, обрушивается на меня, и теперь я знаю – это правда.

Кома.

Недавно

Неделей раньше – понедельник, 19 декабря 2016 года

Я на цыпочках спускаюсь вниз в предрассветной тьме, стараясь его не разбудить. Все, казалось бы, на своих местах, но в душе зреет уверенность – чего-то не хватает. Я надеваю тяжелое зимнее пальто, чтобы защититься от холода, и приступаю к повседневному ритуалу. Для начала несколько раз дергаю ручку задней двери, чтобы убедиться, что она закрыта.

Вверх-вниз. Вверх-вниз. Вверх-вниз.

Потом встаю перед большой длинной плитой и сгибаю в локтях руки, будто собираюсь дирижировать внушительным оркестром газовых горелок. Пальцы обеих рук складываются в привычную фигуру: указательный и средний смыкаются с большим. Я тихо шепчу и внимательно осматриваю конфорки, проверяя, все ли выключено. Повторяю процедуру три раза, пальцы при этом отстукивают азбуку Морзе, расшифровать которую, кроме меня, не дано никому. Удовлетворенно констатировав, что все в полном порядке, я выхожу из кухни, но в коридоре задерживаюсь, задаваясь вопросом, не стоит ли сегодня вернуться и проверить все еще раз. Похоже, что нет.

По скрипучим половицам я прокрадываюсь в холл, беру сумку и проверяю ее содержимое. Телефон. Кошелек. Ключи. Закрываю ее, но тут же открываю снова и проверяю опять. Телефон. Кошелек. Ключи. Потом, уже по пути к выходу, повторяю еще раз. На мгновение замираю и потрясенно смотрю на незнакомку, взирающую на меня из зеркала. У меня лицо женщины, которая когда-то, пожалуй, была красива, хотя теперь я ее совершенно не узнаю. Пестрая палитра светлого и темного. Большие зеленые глаза, прячущиеся под густыми карими бровями, обрамлены длинными черными ресницами; под ними залегли унылые тени. Кожа бледным полотном обтягивает скулы. Темно-каштановые, почти черные волосы рассыпаны по плечам – ничего лучше я придумать не могу. Я причесываю их пальцами и стягиваю в хвост, закрепляя его снятой с запястья резинкой. Теперь на меня смотрит лицо, будто специально созданное для радио.

Потом спохватываюсь, что времени уже много, и напоминаю себе, что поезд ждать не будет. Я не сказала «до свидания», но не думаю, что это важно. Выключаю свет, выхожу из дома, трижды проверяю, заперла ли входную дверь, и шагаю через сад по утопающей в лунном свете тропинке.

Хотя еще рано, я уже опаздываю. Мадлен к этому времени уже явится в офис, прочтет все газеты и выудит из них все интересное. Продюсеры станут копаться в бранных бумажных останках, потом она разорется и станет их страдать, чтобы они подыскивали для ее шоу только тех, с кем можно сделать замечательное интервью. Такси будут подбирать и извергать чересчур воодушевленных и плохо подготовленных гостей эфира. Каждое утро происходит что-то новое, но все равно все время одно и то же. Полгода назад я влилась в коллектив передачи «Кофейное утро», и пока все идет совсем не так, как я планировала. Многим может показаться, что у меня сказочная работа, но ведь сказки бывают очень страшными.

Я останавливаюсь в вестибюле, чтобы купить кофе себе и коллеге, а потом поднимаюсь по каменным ступеням на пятый этаж. Лифты я не люблю. Перед тем как перешагнуть порог, надеваю улыбку, напоминая себе, что лучше всего у меня получается мимикрировать под окружение. Я могу изобразить «Эмбер-подругу», «Эмбер-жену», но сейчас время воплотить другой образ – Эмбер из передачи «Кофейное утро». Мне по плечу сыграть любую роль, которую предложит жизнь, потому что за долгие годы репетиций я выучила назубок каждую реплику.

Солнце едва поднялось над горизонтом, но наш небольшой, преимущественно женский коллектив уже в сборе. Три молодых продюсерши, подгоняемые кофеином и честолюбием, склонились над своими столами. Окружив себя кипами книг, старых сценариев и пустых чашек, они с таким увлечением барабанили по клавиатурам, будто от этого зависит жизнь их любимых кошек. В дальнем углу, в личном кабинете Мадлен, горит лампа. Я сажусь за стол, включаю компьютер, попутно отвечая на дружеские улыбки и теплые приветствия коллег. Люди – не зеркала, они видят тебя совсем не такой, какой видишь себя ты.

В этом году у Мадлен сменились три личных помощницы. Ни одна не смогла продержаться долго – всех она быстро увольняла. Лично мне не нужен ни отдельный кабинет, ни ассистенты; мне нравится сидеть вместе со всеми. За столом рядом со мной никого нет. Странно, что Джо до сих пор не пришла, как бы с ней чего-нибудь не приключилось. Я бросаю взгляд на остывающий кофе, потом говорю себе, что его лучше отнести Мадлен. Будем считать, что я ее так задабриваю.

Дверь распахнута, я замираю в проеме, словно вампир, ожидающий, когда хозяин пригласит его войти. Ее кабинетик смехотворно мал и в самом прямом смысле слова представляет собой кладовку. А все потому, что она отказывается сидеть вместе с остальными членами нашей команды. На хлипких стенах висят в рамочках фотографии самой Мадлен в компании разнообразных знаменитостей, позади стола красуется небольшая полка с призами и наградами. Она не поднимает головы. Я гляжу на ее уродливые короткие волосы, седые корешки которых нагло выглядывают из-под черных прядей. Подбородки, как положено, громоздятся друг на друга, в то время как остальная колышущаяся плоть, к счастью, скрывается в складках мешковатого черного костюма. Настольная лампа освещает клавиатуру, над которой порхают униженные перстнями пальцы. Я знаю, что она меня видит.

– Мне показалось, вы не откажетесь от кофе, – произношу я, несколько разочарованная своей фразой, которая получилась очень незамысловатой, хотя мне понадобилось немало времени, чтобы ее придумать.

– Поставь на стол, – отвечает она, не отрывая от экрана глаз.

Не стоит благодарности.

В углу тихо воркует небольшой калорифер, и исходящее от него тепло, немного отдающее гарью, медленно обволакивает мои ноги и не дает уйти. Я вдруг понимаю, что мой взгляд прикован к бородавке на ее щеке. Глаза порой проделывают со мной такую шутку: сосредотачиваются на недостатках человека, на мгновение забывая, что это может быть заметно и что люди предпочли бы, чтобы я не разглядывала их изъяны.

– Как ваши выходные? – отваживаюсь спросить я.

– Мне сейчас не до разговоров, – отвечает она.

Ну что же, пусть готовится.

Вернувшись на свое место и усевшись за стол, я просматриваю накопившуюся с пятницы почту: пару жуткого вида романов, которые мне никогда не прочесть, несколько писем от фанатов и приглашение на благотворительный концерт, которое привлекает мое внимание. Потягивая кофе, я представляю, что бы я надела и кого бы с собой взяла, если бы решила туда пойти. По правде говоря, мне нужно больше заниматься благотворительностью, но для этого у меня, по-видимому, не хватает времени. А вот Мадлен у нас не только голос «Кофейного утра», но и лицо благотворительной организации «Дети кризиса». Лично мне ее тесная связь с крупнейшим в стране детским благотворительным фондом всегда казалась странной, если учесть, что она просто ненавидит детей и никогда не заводила семью. В этой жизни она совсем одинока, хотя ничуть от этого не страдает.

Разобрав почту, я пробегаю глазами информационные материалы сегодняшней утренней программы – перед шоу всегда полезно составить о нем общее представление. Не в состоя-

нии отыскать свою красную ручку, я направляюсь к шкафчику с канцелярскими принадлежностями.

Их запасы недавно пополнились.

Я бросаю взгляд через плечо, потом опять смотрю на аккуратные полки. Хватаю несколько пачек стикеров, горсть красных ручек и распихиваю все это по карманам. Выгребаю из коробки все до единой. Ручки других цветов оставляю без внимания. Когда я возвращаюсь, никто не поднимает на меня глаз. И когда вынимаю свое богатство из карманов, перекладываю в ящичек стола и запираю его, никто этого не замечает.

Я начинаю было волноваться оттого, что до сих пор не пришла моя единственная подруга Джо, но тут она с улыбкой на лице переступает порог офиса. Одета как всегда – голубые джинсы и белая футболка, будто ей никак не удастся распрощаться с девяностыми. Каблуки ненавистных ей сапог стертые, белокурые волосы мокрые от дождя. Она садится за стол рядом со мной, напротив остальных продюсеров.

– Извини, я опоздала, – шепчет она.

Кроме меня, этого никто не замечает.

Последним заявляется Мэтью, редактор программы. Странно, обычно он приходит раньше. Пояс его облегающих чиносов, чуть ли не трещащих по швам, слегка приспущен, чтобы над ним было удобнее расположиться выступающему брюшку. Для его долговязой фигуры они немного коротковаты – из-под них выглядывают ноги в цветастых носках и коричневых, начищенных до блеска туфлях. Ни с кем не поздоровавшись, он направляется прямо к своему столу у окна. То обстоятельство, что дамским коллективом, делающим передачу для женщин, руководит мужчина, выходит за рамки моего понимания. Но именно Мэтью решил рискнуть и взял меня на эту работу, когда моя предшественница неожиданно ушла, так что, по идее, я должна быть ему благодарна.

– Мэтью, раз уж ты пришел, зайди ко мне в кабинет! – кричит Мадлен через весь офис.

– В этот момент он подумал, что утро началось хуже некуда, – шепчет мне Джо. – Ну так что, мы пойдем сегодня выпивать?

Я киваю, испытывая облегчение оттого, что она не собирается вновь ускользнуть сразу после эфира.

Мэтью хватается за свои заметки и бросается в кабинет Мадлен, полы его роскошного пальто развеваются и хлопают его по бокам, будто намереваясь поднять в воздух и отправить в полет. Но уже через несколько мгновений вылетает обратно – весь красный и какой-то растерянный.

– Пора двигать в студию, – говорит Джо, прерывая мои мысли.

Неплохая идея, если учесть, что до эфира осталось десять минут.

– Пойду посмотрю, готова ли Ее Величество, – отвечаю я и с радостью вижу, что Джо улыбается.

Но тут же замечаю взгляд Мэтью, который поднимает в мою сторону выгнувшуюся аккуратной дугой бровь. Не надо было говорить этого вслух.

По мере того как часы отсчитывают последние минуты, все занимают свои места. Мы с Мадлен идем в студию и садимся на затемненном возвышении в центре. На нас, будто на двух совершенно непохожих животных, по ошибке оказавшихся в одном вольере, через огромное окно устремлены взгляды Джо и других продюсеров, расположившихся на галерее. У них там шумно и светло, на пульте полно разноцветных кнопочек, которые выглядят на удивление замысловато, если учесть, что мы, по сути, делаем очень простую вещь: разговариваем с людьми и усиленно делаем вид, что нам это доставляет удовольствие.

В студии, напротив, темно и царит тягостная тишина. Все ее убранство составляют стол, несколько стульев да пара микрофонов. Мы с Мадлен сидим в полумраке, молчаливо игнорируя друг друга, и ждем, когда зажжется красная лампочка, возвещая о начале прямого эфира, и начнется первый акт.

– Здравствуйте, сегодня у нас понедельник, добро пожаловать на очередной выпуск программы «Кофейное утро». Я – Мадлен Фрост. Чуть позже к нам в студии присоединится автор бестселлеров, писательница Э. Б. Найт, но сперва мы обсудим рост числа женщин – кормилиц семьи. Что же касается вопросов в прямом эфире, то мы приглашаем к разговору всех, кто готов поделиться своими мыслями на тему воображаемых друзей. Был ли у вас такой друг в детстве? Или, может быть, и сейчас есть?

Привычный звук ее эфирного голоса приносит успокоение, и я переключаюсь на автопилот, дожидаясь своей очереди что-нибудь сказать. Интересно, Пол уже проснулся? В последнее время он сам не свой: засиживается допоздна в своей хибаре, ложится незадолго до того, как я встаю, если, конечно, ложится вообще. Ему нравится называть хибару хижинкой. Мне нравится называть вещи своими именами.

Как-то раз, когда первый роман Пола обернулся неожиданным успехом, нам посчастливилось провести с Э. Б. Найт вечер. Это случилось около пяти лет назад, вскоре после нашей первой встречи. В те времена я работала на телевидении корреспондентом. Ничего сногшибательного, местные новости, не более того. Но в отличие от радио, без конца видя себя на экране, ты волей-неволей прилагаешь усилия, чтобы соответствующим образом выглядеть. Тогда я была стройненькая и совершенно не умела готовить – до Пола было некому, а стараться для самой себя было лень. К тому же у меня была очень напряженная работа. Обычно я рассказывала о рытвинах на дорогах или краже свинцовых полос с церковных крыш, но в один прекрасный день в мою жизнь решила вмешаться удача. Репортер из отдела шоу-бизнеса заболела, и меня вместо нее послали взять интервью у какого-то модного нового писателя. Я даже не читала его книгу. Меня мучило похмелье, мне до смерти не хотелось делать чужую работу, однако когда он вошел в комнату, все изменилось.

Для этого интервью издатель Пола снял апартаменты в отеле «Риц». Они были похожи на сцену, а я на актрису, напрочь позабывшую свои реплики. Помню, я чувствовала себя не в своей тарелке, опасаясь не справиться с возложенной на меня задачей, но когда он сел на стул напротив, вдруг поняла, что он нервничает куда больше меня. Для него это было первое телевизионное интервью, и мне каким-то образом удалось его успокоить. Когда он потом попросил у меня визитку, я ничего такого не подумала, но вот мой оператор, пока мы шли к машине, с превеликим удовольствием описывал, как мы с ним «вошли в контакт». Вечером раздался звонок, я подняла трубку и, услышав его голос, почувствовала себя как школьница. Говорить с ним было совсем не трудно, мы будто давно знали друг друга. Он сказал, что через неделю ему надо быть на церемонии награждения, добавил, что идти туда ему не с кем, и спросил, не смогу ли я в тот вечер составить ему компанию. Я согласилась. На церемонии мы сидели за тем же столиком, что и Э. Б. Найт, и это одновременно был ужин с легендой и незабываемое первое свидание. Она была очаровательна, умна и искрометна. Поэтому, узнав, что ее пригласили на программу, я с нетерпением ждала новой встречи.

– Рада вас видеть, – говорю я, когда продюсер проводит ее в студию.

– Взаимно, – отвечает она, занимая отведенное ей место.

Проблеска узнавания в ее глазах я не вижу: как же легко меня забыть. Маленькое изящное лицо восьмидесятилетней женщины обрамляет ее фирменная прическа – боб на седых волосах. Она безупречна, даже морщинки – и те будто образуют элегантный узор. Годы, конечно же, давно взяли свое, но ум ее остался быстрым. Щеки подрумянены, внимательный, пронзительный взгляд голубых глаз быстро окидывает студию и тут же находит свою цель. Писательница тепло улыбается Мадлен, будто встретила какого-нибудь героя. С гостями такое бывает, но меня это абсолютно не задевает.

После шоу мы все тащимся в переговорку на разбор полетов. Сидим и ждем Мадлен. Когда она наконец входит, становится тихо. Мэтью принимается комментировать фрагменты передачи – что получилось удачно, а что нет. На лице Мадлен не видно ни малейших признаков

счастья, она кривит губы, которые принимают такой вид, будто ей в этот момент вдруг взбрело в голову разворачивать задницей ириски. Все остальные хранят молчание, и я опять даю волю мыслям.

Звездочка, сияй в ночи¹,

Мадлен недовольно хмурится.

Расскажи мне, не молчи,

Мадлен цокает языком и закатывает глаза.

Почему с небес на нас

Когда Мадлен уже не знает, как еще показать свое недовольство, все встают и направляются к выходу.

Светишь ярко, как алмаз?

– Эмбер, на два слова... – говорит Мэтью, вырывая меня из мира грез.

Он закрывает дверь переговоров, я сажусь и вглядываюсь в его лицо, пытаюсь понять, что меня ждет. Что-то на нем прочесть, конечно же, невозможно – даже если сегодня умрет его мать, он даже виду не подаст. Потом Мэтью берет с тарелки печенье, предназначенное для гостей, и жестом приглашает меня последовать его примеру. Я качаю головой. Желая что-нибудь сообщить, Мэтью вечно устраивает целый спектакль. Поначалу он пытается мне улыбаться, но потом усилия его утомляют, и он вместо этого откусывает кусочек печенья. Несколько крошек уютно устраиваются на его тонких губах, которые, когда он пытается подобрать нужные слова, быстро открываются и закрываются, будто у золотой рыбки.

– Знаете, я могу с вами поболтать о том о сем, спросить, как у вас дела, сделать вид, что мне это безразлично, и все такое прочее, а могу сразу взять быка за рога, – произносит он.

Внутри у меня все сжимается от страха.

– Так, продолжайте, – говорю я, хотя этого и не хочу.

– Какие у вас сейчас отношения с Мадлен? – спрашивает он, откусывая еще кусочек.

– Те же, что и всегда: она меня ненавидит, – отвечаю я, вероятно, слишком поспешно.

Теперь уже моя очередь нацепить на лицо фальшивую улыбку. Этикетку я с нее не снимала, так что, когда закончу, смогу ее вернуть в магазин.

– Да, действительно, и в этом вся проблема, – говорит Мэтью.

Ничего неожиданного он не сказал, и все же я удивлена.

– Мне хорошо известно, что когда вы только к нам пришли, она устроила вам веселую жизнь. Но, согласитесь, ей тоже было трудно привыкнуть к тому, что вы теперь рядом. И напряжение между вами, похоже, не спадает. Может показаться, что на это никто не обращает внимания, но это не так. Хороший эмоциональный контакт между вами необходим для шоу и для всей команды.

Он смотрит на меня, ожидая ответа, но я понятия не имею, что ему сказать.

– Как вы думаете, вам под силу наладить с ней нормальные отношения?

– Э-э-э... попробовать можно...

¹ Слова детской песенки «Twinkle, twinkle, Little Star».

– Вот и хорошо. До сегодняшнего дня я не понимал всю серьезность ситуации. Мадлен предъявила мне что-то вроде ультиматума, – он умолкает, откашливается и продолжает: – Требуется, чтобы я вас заменил.

Я жду, что Мэтью скажет что-то еще, но он больше не произносит ни слова. Его слова повисают в воздухе, и я пытаюсь их осмыслить.

– Вы меня увольняете?

– Нет! – горячо протестует он, хотя на его лице, когда он задумывается, что сказать дальше, отражается совсем другой ответ.

Он подносит руки к груди, сдвигает ладони и соединяет кончики пальцев, будто изображая колокольню или готовясь к лицемерной молитве.

– Пока нет. Чтобы исправить ситуацию, даю вам срок до Нового года. И прошу прощения, Эмбер, что вынужден донимать вас этой проблемой накануне Рождества.

Он вытягивает ноги и откидывается на стуле, насколько это возможно, чтобы оказаться подальше от меня. В ожидании моего ответа его рот кривится в гримасе, будто ему только что пришлось попробовать на вкус что-то отвратительное. Я не знаю, что ему сказать. Мне кажется, порой вообще лучше ничего не отвечать, хотя бы потому, что молчание нельзя исказить.

– Вы замечательный человек, мы вас очень любим, но поймите и вы нас: без Мадлен, которая ведет «Кофейное утро» вот уже двадцать лет, этой передачи просто не будет. Мне очень жаль, но если мне придется делать между вами и ею выбор, боюсь, у меня будут связаны руки.

Сейчас

День рождественских подарков, 26 декабря 2016 года

Я пытаюсь представить, что меня окружает. Это не обычная палата, для этого здесь слишком тихо и спокойно. Но и не морг – я чувствую, что дышу, а прилагая усилия, чтобы набрать в легкие кислорода, каждый раз ощущаю в груди слабую боль. Единственное, что мне слышно, – это приглушенный звук какого-то аппарата, бесстрастно гудящего рядом. Каким-то непостижимым образом он приносит успокоение – мой единственный спутник в невидимой вселенной. Я начинаю считать его гудки и мысленно собираю их в голове, страшась, что они вот-вот умолкнут, и понятия не имея, что это может означать.

Я прихожу к выводу, что это отдельная палата. Представляю, что надежно заперта в этой больничной камере: время неспешно стекает с четырех ее стен и образует лужи грязной, медленно поднимающейся тины, которая вскоре меня поглотит. Но это будет потом, пока же я существую в бесконечном пространстве, где иллюзия неотделима от реальности. Вот чем я сейчас занимаюсь: существую и жду, хотя и не знаю, чего. Я обнулила настройки и из человека действия вновь превратилась в человека бытия. За невидимыми мне стенами бурлит жизнь, в то время как мне не остается ничего другого, кроме как лежать – молча и недвижно.

Настоящая физическая боль упорно заявляет о себе. Интересно, у меня серьезные повреждения? Череп покоится в специальном зажиме, похожем на тиски. В висках пульсирует в такт биению сердца. Я приступаю к мысленному обследованию собственного организма, тщетно пытаюсь поставить диагноз, который хоть что-то бы мне объяснил. Рот открыт, губы ощущают какой-то посторонний предмет, засунутый меж зубов, – скользя мимо языка, он скрывается где-то в горле. Мое странно-незнакомое тело будто принадлежит другому человеку, хотя все вроде бы на месте, вплоть до ступней и полного комплекта пальцев на ногах. Они ощущаются явственно, что приносит небывалое облегчение. Интересно, на кого я сейчас похожа? Меня причесывают, умывают? Хотя тщеславием я не болею и предпочитаю, чтобы меня скорее слышали, а не видели, а еще лучше не замечали совсем.

Во мне нет ничего особенного, я совсем не такая, как *она*, и, откровенно говоря, теперь больше похожа на тень. Маленькое грязное пятно.

Хотя я и напугана, какой-то первородный инстинкт подсказывает, что мне удастся выбраться из этой передрыги. Со мной все будет хорошо, должно быть. Я всегда умела преодолевать трудности.

Дверь открывается, и до моего слуха доносится звук приближающихся к кровати шагов. Затуманенный взор фиксирует колыхание теней. Их две. Я вдыхаю запах дешевых духов и лака для волос. Они о чем-то говорят, но смысла их слов я пока уловить не могу. На данный момент их голоса для меня лишь шум, что-то вроде фильма на иностранном языке без субтитров. Одна из них вытаскивает из-под простыни мою руку. Странное ощущение – будто все конечности самовольно болтаются, как у младенца. Почувствовав кожей кончики ее пальцев, я мысленно вздрагиваю. Не люблю, когда ко мне прикасаются незнакомые люди, когда ко мне прикасается кто-нибудь, даже *он*. Она закрепляет что-то чуть повыше локтя на левой руке, и по тому, как предмет стягивает мою плоть, я прихожу к выводу, что это жгут. Потом мягко кладет руку обратно, встает и заходит с другой стороны кровати. Ее коллега – они, надо полагать, медсестры – стоит в ногах. Я слышу, как ее пытливые пальцы листают страницы, и представляю, что она читает либо роман, либо мою историю болезни.

Звуки без каких-либо усилий с моей стороны становятся отчетливее.

– Это последняя, закончим с ней, и можешь идти. Как она здесь оказалась? – спрашивает та, что ближе ко мне.

– Ее привезли поздно вечером, какой-то несчастный случай, – отвечает другая и куда-то направляется, – давай расшторим окно и впустим немного дневного света, может, так будет веселее.

Я слышу недовольный ропот неохотно разъезжающихся в стороны гардин, окутывающее меня сияние становится ярче. Потом, без предупреждения, в руку возле локтя вонзается что-то острое. Ощущение совершенно новое, боль вновь заставляет меня погрузиться в себя. Под кожей разливается что-то прохладное и змеей ползет по телу, пока не становится частью моего естества. Голоса возвращают меня к действительности.

– Родственникам сообщили? – спрашивает та, что постарше.

– У нее есть муж. С ним несколько раз пытались связаться, но неизменно попадали на голосовую почту. Вообще-то, когда все отмечают Рождество, а твоей жены нет, это трудно не заметить.

Рождество.

Я сканирую библиотеку своих воспоминаний, но обнаруживаю, что в ней теперь слишком много пустых полок. Вспомнить что-либо о Рождестве не представляется возможным. Обычно мы отмечаем его в кругу семьи.

Почему рядом со мной никого нет?

Вдруг до меня доходит, что во рту страшно пересохло и ощущается привкус запекшейся крови. За стакан воды я не пожалела бы ничего на свете. Как бы привлечь их внимание? Я сосредотачиваю все усилия на губах, пытаюсь придать им определенную форму и издать в этой оглушительной тишине хоть самый слабый звук, но у меня все равно ничего не получается. Призрак, оказавшийся в ловушке собственного тела.

– Ну что, если ты не против, я пошла домой?

– До скорого, передавай привет Джеффу.

Дверь распаивается, я слышу отдаленные звуки радио. В уши врывается знакомый голос.

– Кстати, она работает на передаче «Кофейное утро», – говорит та, что собралась уходить. – Когда ее привезли, в сумочке нашли пропуск.

– Да ты что? Ни разу о ней не слышала.

Зато я вас прекрасно слышу!

Дверь захлопывается, вновь становится тихо, я опять уплываю. Меня здесь больше нет. Я безмолвно кричу в поглотившем меня мраке.

Что со мной произошло?

Несмотря на внутреннее смятение, внешне я совершенно неподвижна и нема. В реальной жизни мне приходится работать на радио, получая деньги за болтовню, но теперь злой рок обрек меня на молчание и тем самым превратил в ничто. Тьма кружит мысли до тех пор, пока их не останавливает звук – кто-то опять открывает дверь. Скорее всего, вторая медсестра... Она, вероятно, тоже уходит, и мне хочется закричать, попросить ее остаться, объяснить, что я всего лишь заблудилась в кроличьей норе и мне просто нужно помочь выбраться обратно. Но это не она. В комнату только что вошел кто-то еще. Я вдыхаю его запах, слышу, как он плачет, и чувствую ужас, охватывающий его, когда он смотрит на меня.

– Прости, Эмбер. Вот я и пришел.

Он берет меня за руку и сжимает ее, немного сильнее, чем надо. Я заблудилась, он потерял меня много лет назад и уже не найдет. Вторая медсестра уходит, чтобы мы побыли одни, а может, просто чувствует, что ситуация слишком неприятная, что здесь что-то не так. Я хочу, чтобы она меня не бросала наедине с ним, но вот почему – мне неизвестно.

– Ты слышишь меня? Прошу тебя, очнись... Пожалуйста... – повторяет он снова и снова.

От звука его голоса мозг приходит в ужас. Зажим сдавливает череп с новой силой, в виски будто стучит сразу тысяча пальцев. Я не могу вспомнить, что со мной случилось, но непоколебимо уверена, что этот человек, мой муж, к этому каким-то образом причастен.

Недавно

Понедельник, 19 декабря 2016 года, после полудня

Когда Мэтью сказал, что отпускает меня на весь день, сначала я испытала чувство благодарности. Коллеги уже разбрелись на обед, что помогло мне избавиться от их вопросов и притворного участия. И только теперь, шагая по Оксфорд-стрит, будто рыба, плывущая против плотного потока туристов и покупателей, я вдруг понимаю, что он сделал это ради себя: ни одному мужчине не понравится сидеть и смотреть на зареванное, изуродованное потеками туши лицо женщины, зная, что виноват в этом только он и больше никто.

Хотя на улице декабрь, небо над головой в этот полдень ярко-голубое. Солнце пробирается по небосклону среди редких зачаточных облачков, создавая иллюзию хорошего дня на фоне дымки сомнений. Мне просто надо постоять и подумать, что я, собственно, и делаю. Прямо на людной улице, к вящей досаде прохожих.

– Эмбер?

Я поднимаю глаза и вижу прямо перед собой улыбающееся лицо высокого мужчины. Поначалу ничего не происходит, потом в голове вспыхивает проблеск узнавания, а за ним накатывает волна воспоминаний: Эдвард.

– Привет, как дела? – с усилием выдавливаю из себя я.

– Все отлично. Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть.

Он целует меня в щеку. Вообще-то я не должна бы беспокоиться по поводу своей внешности, но все-таки я обхватываю себя руками, будто пытаюсь спрятаться. Он практически не изменился и даже почти не постарел, хотя в последний раз мы виделись с ним лет десять назад. Загорел, будто только что вернулся из теплых краев; в каштановых волосах мелькают более светлые прядки, но на седину нет даже намека. В обертке из задубевшей на солнце кожи он пышет здоровьем, выглядит удивительно ухоженным и цветущим. Новая, дорогая одежда, и, подозреваю, костюм под его длинным шерстяным пальто сшит на заказ. Я всегда знала, что его ждет большое будущее.

– У тебя все в порядке? – спрашивает он.

Тут я вспоминаю, что недавно плакала. Да, видок у меня, вероятно, еще тот.

– Да. Хотя нет. Просто сегодня мне сообщили не самые приятные новости.

– Да, досадно.

Я киваю, он ждет от меня каких-то слов, но меня будто охватывает оцепенение, не давая начать. Единственное, что я помню, – это какие я ему принесла страдания. По правде говоря, он так и не услышал от меня объяснений, почему мы с ним перестали общаться. Просто как-то утром я ушла из его квартиры, перестала отвечать на звонки и вообще с ним порвала. Тогда мы были студентами и учились в Лондоне. В то время я еще жила с родителями, но старалась оставаться у него как можно чаще, потом у нас все закончилось и мы больше не виделись.

В меня врезается женщина, на ходу строчащая смску, и качает головой, словно это я виновата, что она не смотрит, куда идет. Столкновение с ней вытряхивает несколько слов из моего тайничка, в котором они привыкли прятаться.

– Рождество будешь отмечать в Лондоне? – спрашиваю я.

– Ага. Недавно я со своей девушкой переехал сюда с севера, буду теперь работать в этом муравейнике.

На смену моему чувству облегчения вскоре приходит что-то еще. Ну конечно, он давно обо всем забыл. Я говорю себе, что рада за него, заставляю себя кисло улыбнуться и как-то по-дурацки кивнуть.

– Надо полагать, тебе сейчас не до меня, – говорит он, – но вот тебе моя визитка. Давай как-нибудь встретимся и поболтаем. Я опаздываю на встречу, Эмбер, но все равно очень рад тебя видеть.

Я беру карточку и снова пытаюсь изобразить улыбку. Он легонько касается моего плеча и исчезает в толпе. Ему явно хотелось поскорее распрощаться.

Я собираю в кучу те жалкие крохи, которые от меня остались, и переключаюсь на автопилот. Ноги сами несут меня в небольшой бар в двух шагах от Оксфорд-стрит. Раньше, когда мы с Полом только-только начали встречаться, мне приходилось часто здесь бывать. Теперь нет, я даже не помню, когда в последний раз мы вечером куда-нибудь ходили. Надежда на то, что в знакомой обстановке мне станет уютнее, не оправдывается. Заказав большой бокал красного вина, я направляюсь к единственному свободному столику у камина без решетки. Хотя мне хочется согреться, отодвигаю стул подальше от огня.

Я вглядываюсь в бокал «Мальбека», успешно отгораживаясь от предпраздничной суетливой толпы. Мне необходимо завоевать симпатию женщины, которая ненавидит весь мир. Надеюсь, если достаточно долго пялиться на вино, решение придет само собой. На данный момент у меня его нет.

Делаю глоток, совсем маленький. Вкус отменный. Потом закрываю глаза, выпиваю еще, а когда напиток обволакивает горло, наслаждаюсь этим ощущением. Какая же я все-таки дура – все так хорошо складывалось, а теперь я рискую все потерять. Нужно было прилагать больше усилий, чтобы поладить с Мадлен, строго придерживаясь разработанного плана. Я не могу лишиться этой работы. Может быть потом, но только не сейчас. Должно же быть какое-то решение, просто в душе нет уверенности, что мне удастся найти его самой. Мне нужна *она*. Я тут же сожалею об этой мысли и решаю выпить еще.

Прикончив бокал, заказываю еще один и, ожидая, когда его принесут, достаю телефон. Набираю номер Пола. Надо было ему сразу позвонить, не знаю, почему я этого не сделала. Когда он не отвечает, предпринимаю еще одну попытку. Опять без ответа, если не считать таковым голосовую почту. Сообщения я ему не оставляю. Когда приносят заказ, делаю глоток, необходимый, чтобы меня оглушить, хотя у меня стойкое ощущение, что надо бы сбавить темп. Мозг должен работать четко, если я собираюсь исправить ситуацию, и я ее действительно исправлю – это необходимо. Надо бы справиться с этой проблемой самостоятельно, но у меня для этого нет сил.

– Вижу, ты уже начала без меня, – говорит Джо, разматывает до нелепости длинный шарф, снимает его и устраивается на стуле напротив.

Когда она внимательнее всматривается в мое лицо, улыбка на ее губах блекнет.

– Что случилось? Видок у тебя – краше в гроб кладут.

– Значит, ты ничего не знаешь?

– О чем?

– Я говорила с Мэтью.

– Так вот почему ты такая унылая, – говорит она, изучая винную карту.

– Думаю, меня скоро выпрут с работы.

Джо пристально смотрит на меня, будто пытаюсь что-то найти на моем лице.

– Что за бред ты несешь?

– Мадлен выдвинула ему ультиматум. Либо я, либо она.

– И он указал тебе на дверь, да?

– Не совсем. Дал мне срок до Нового года ее переубедить.

– Так переубеждай!

– Как?

– Не знаю... Но они не могут с тобой так поступить.

– Мой контракт заканчивается в январе, поэтому если не решить проблему, его не продлят, только и всего. Мне не за что будет зацепиться. Более того, за рождественские каникулы начальство наверняка подыщет мне замену.

Джо обдумывает мои слова и, судя по ее виду, приходит к тому же выводу, к которому несколько часов назад пришла я.

– Что ни говори, а горести преследуют тебя по пятам.

– Я все похерила, да?

– Пока еще нет, – говорит она. – Мы обязательно что-нибудь придумаем. Но сначала давай все же выпьем вина.

– Вы не могли бы повторить? – прошу я проходящего мимо официанта, показывая на свой бокал и поворачиваюсь обратно к Джо. – Я не могу потерять эту работу.

– Ты ее и не потеряешь.

– У меня не хватило времени сделать все что нужно.

Официант все еще топчется неподалеку, озабоченно глядя на меня. Я улыбаюсь. Он вежливо кивает и идет за вином. Я смотрю по сторонам, изучающе скольжу взглядом по глазам посетителей и убеждаюсь, что говорю слишком громко. Такое со мной бывает, особенно под влиянием усталости или спиртного. Я напоминаю себе, что нужно вести себя потише.

Когда приносят вино, Джо велит мне вытащить из сумки ручку и блокнот. Потом приказывает написать наверху чистой страницы большими красными буквами два слова: ПРОЕКТ МАДЛЕН. Я так и делаю, да еще на всякий случай их подчеркиваю. Джо принадлежит к тому типу девушек, которые обожают все записывать. Но если не соблюдать осторожность, с таким подходом можно огрести кучу проблем. Она неподвижно смотрит в блокнот, я выпиваю еще вина, наслаждаясь чувством опускающегося вниз по телу тепла. Я улыбаюсь, Джо ухмыляется в ответ – нам, как это часто бывает, приходит в голову одна и та же мысль. Она диктует, и я лихорадочно записываю каждое слово, стараясь не упустить ничего из услышанного. Идея отличная.

– Наша примадонна полагает, что они никогда от нее не избавятся, потому что «Кофейное утро» и есть Мадлен Фрост.

Я замечаю, что к своему бокалу она даже не прикоснулась.

– Точно то же самое сказал и Мэтью. Нужно сделать с этой строчкой новую рекламную песенку, – говорю я, надеясь, что она улыбнется.

Однако Джо сохраняет серьезность.

– Но Ее Величество не знает, о чем Мэтью с тобой говорил. Поэтому нам надо убедить Мадлен, что она достала начальство своими вспышками гнева и что избавиться собираются не от тебя, а от *нее!* – говорит она.

– Они никогда на это не пойдут!

– Наверняка она этого знать не может. Незаменимых, как известно, нет, и мне начинает казаться, что если мы бросим достаточно семян, подобная мысль в ее голове обязательно прорастет. Потеряв работу, она останется у разбитого корыта. Это ее жизнь, кроме нее у Мадлен больше ничего нет.

– Согласна. Но как? Тем более что времени у нас в обрез.

Я опять начинаю плакать, не в состоянии с собой справиться.

– Все в порядке. Если надо, поплачь, не держи эмоции в себе. К счастью, это у тебя получается хорошо.

– У меня вообще ничего не получается хорошо.

– Это еще почему? Ты красивая. Правда, тебе надо прилагать больше усилий, чтобы...

– Спасибо.

– Извини, но это правда. Отказ от косметики делает женщину не загадочно-бледной, а просто скучной и тусклой. У тебя отличная фигура, но у меня такое ощущение, что ты постоянно пытаешься спрятать ее за одними и теми же старыми шмотками.

– Я и правда стараюсь ее прятать.

– Тогда исправляйся.

Она права. Я себя запустила. Мысли возвращаются к Эдварду, который, наверное, сейчас думает, что еще легко отделался, не связав со мной свою судьбу.

– Только что на Оксфорд-стрит я столкнулась с бывшим парнем, – говорю я, глядя на нее и пытаюсь определить ее реакцию.

– Это с которым же?

– Не говори так, у меня их было совсем не много.

– Но больше, чем у меня. Так кто он?

– Неважно. Просто я почувствовала себя чучелом и неудачницей. Мне просто не хотелось бы, чтобы он видел меня в таком виде.

– Плевать! Сейчас тебе надо сосредоточиться на том, что действительно важно. Иди и купи себе новых шмоток: пару платьев, новую обувь, обязательно на каблуке, и не забудь про косметику. Завтра ты должна казаться уверенной в себе и счастливой, просто положишь в этом деле на свою кредитную карту. Мадлен в курсе, что сегодня Мэтью собирался с тобой поговорить. Думает, что завтра ты будешь расстроена, если вообще выйдешь на работу, а ты тут как тут. Запустим какую-нибудь сплетню в социальных сетях. Ты не хуже меня знаешь, как это делается.

– Что есть, то есть.

– Тогда вперед по магазинам, а потом домой. Ложись спать пораньше, и чтобы завтра выглядела как фея, будто в этой жизни у тебя нет ровным счетом никаких проблем.

Я повинуюсь, опустошаю бокал и расплачиваюсь. Раньше, когда я наполняла красками свою жизнь, я всегда оставалась внутри предначертанных контуров, но теперь настало время немного выйти за границы. Перед тем как покинуть бар, я вырываю из блокнота листок со словами «ПРОЕКТ МАДЛЕН», комкаю его, бросаю в камин и смотрю, как белая бумага коричневет и окутывается пламенем.

Сейчас

День рождественских подарков, 26 декабря 2016 года, вечер

Впервые низвергнувшись вниз, я даже забываю испугаться – все внимание поглощено толкнувшей меня рукой, очень похожей на мою собственную. Но как только под ногами разверзается тьма, вдогонку за мной устремляются все мои самые ужасные страхи. Хочется крикнуть, но такой возможности нет: до боли знакомая рука теперь плотно закрывает мне рот. Я не в состоянии издать ни звука и едва могу дышать. Когда ужас вырывает меня из объятий этого бесконечного кошмара, я просыпаюсь, чтобы оказаться в другом. Память по-прежнему отказывается подсказать, что со мной случилось, как ни пытайся, как ни упорствуй это узнать.

В палату постоянно кто-то заходит, меня окружает какофония шепота, странных звуков и запахов. Надо мной нависают смутные тени, меня будто с головой накрыла огромная волна собственных ошибок. Порой возникает чувство, что я лежу на дне тинистого пруда, что на меня давит столб мутной воды, пропитывает меня тайнами и грязью. Время от времени хочется утонуть, чтобы испытать облегчение, оттого что все это закончилось. Там, на этом дне, меня никто не видит, но ведь я и так всегда была незаметной. Новый мир медленно вращается вокруг, за пределами моей досягаемости, я же продолжаю неподвижно лежать во тьме.

Иногда, как сейчас, удается вынырнуть и продержаться на поверхности достаточно долго, чтобы сосредоточиться на звуках и ускорить их темп, чтобы они вновь обрели для меня смысл. Я слышу, как рядом переворачивается страница, – вероятней всего, какого-нибудь глупого детектива, от которых он просто без ума. Другие приходят и уходят, но он всегда рядом и больше никогда не оставляет меня одну. Я удивляюсь, почему он не откладывает книгу, почему не бросается ко мне, ведь я пришла в себя! Потом до меня доходит, что для него ничего не изменилось, что я до сих пор не очнулась. Время совершенно не ощущается, сейчас может быть как день, так и ночь. Я превратилась в безмолвный полуживой труп. Дверь открывается, и в палату кто-то входит.

– Здравствуйте, мистер Рэйнольдс. Вообще-то вам не положено находиться здесь в столь поздний час, но на этот раз, полагаю, мы вполне можем сделать исключение. Я дежурил прошлым вечером, когда привезли вашу жену.

Прошлым вечером?

У меня такое ощущение, что я здесь уже не один день. Голос кажется знакомым, но если так, значит, это мой лечащий врач. Я пытаюсь представить себе, как он выглядит. Рисую в воображении серьезного мужчину с усталыми глазами, кустистыми бровями и лбом, изрезанным морщинами после всего, что ему довелось увидеть. В моем представлении на нем белый халат, но потом я вспоминаю, что медперсонал в таких больше не ходит, решаю, что он, вероятно, ничем не отличается от остальных, и выдуманный мной человек тут же блекнет.

Я слышу, что Пол роняет книгу и шарит вокруг себя, будто дурачок; профессионалы от медицины его всегда пугали. Готова спорить, он сейчас встает, чтобы пожать доктору руку. Мне даже видеть его не надо, я и так знаю, как он себя ведет, и могу предсказать каждый его шаг.

– Если хотите, я могу попросить кого-нибудь посмотреть вашу руку, – предлагает врач.

И что у него с рукой?

– Нет-нет, с ней все в порядке, – отвечает Пол.

– Вы уверены? Она же у вас вся синяя! Это меня совсем не затруднит.

– Она выглядит хуже, чем есть на самом деле, но все равно спасибо. Не знаете, Эмбер долго будет оставаться в таком состоянии? А то мне никто не может ответить на этот вопрос.

Голос Пола кажется мне странным, сдавленным и тихим.

– На этой стадии сказать очень трудно. В результате аварии ваша супруга получила весьма серьезные травмы...

В этот момент его слова несколько раз отдаются у меня в голове, и я опять погружаюсь в свои мысли. Но как ни пытаюсь, не могу ничего вспомнить ни о какой аварии. У меня и машины-то нет.

– Вы сказали, что дежурили, когда ее привезли... Больше к вам никого не доставили? Я хочу сказать, кроме нее, никто не пострадал? – спрашивает Пол.

– Насколько я знаю, нет.

– Значит, она была одна?

– Только ее машина была разбита. Мне трудно вас об этом спрашивать, но на теле вашей супруги обнаружены следы насилия. Вы не знаете, откуда они могли взяться?

Какие еще следы?

– Похоже, это результат несчастного случая, – отвечает Пол, – раньше я их не видел...

– Понятно. Ваша жена когда-нибудь пыталась причинить себе вред?

– Разумеется, нет! Она не такой человек.

А какой я человек, Пол?

Если бы он обращал на меня побольше внимания, то наверняка бы знал.

– По вашим словам, вчера она вернулась домой чем-то огорченная... Вы не в курсе, что ее так расстроило? – спрашивает доктор.

– Да ерунда какая-то. Неприятности на работе.

– И дома все было в порядке?

Мы все втроем молчим, в палате повисает неловкая пауза, которую нарушает голос Пола:

– Придя в себя, она останется собой? Ничего не забудет? Память у нее сохранится?

Я так напряженно стараюсь разгадать, что же мне, по его убеждению, необходимо забыть, что чуть не пропускаю ответ.

– Повреждения настолько серьезны, что говорить о том, восстановится она или нет, еще слишком рано. Ваша супруга даже не пристегнулась ремнем безопасности...

Я всегда пристегиваюсь.

– ...она ехала на такой скорости, что при столкновении вылетела в ветровое стекло и сильно ударила головой. Так что ей еще повезло.

Повезло.

– Нам не остается ничего другого, как ждать, – говорит врач.

– Но ведь она придет в себя, правда?

– Я очень сожалею о случившемся. Если хотите, мы можем позвонить кому-нибудь, кто приехал бы сюда и побыл с вами. Родственнику или другу...

– Нет, – отвечает Пол. – Кроме нее у меня больше никого нет.

Услышав эти слова, я немного смягчаюсь. Раньше все было по-другому. Когда мы только познакомились, он был на пике популярности и все вокруг мечтали с ним сблизиться. Первый роман Пола принес ему мгновенный успех. Он терпеть не может, когда я так говорю, возражая, что добиваться этого «мгновенного успеха» ему пришлось десять лет. Но так продолжалось недолго. Сначала стало даже еще лучше, но потом все покатило под откос. Он утратил способность писать – просто не мог найти слов. Успех сломил его, а неудача сломила нас.

Дверь закрывается, и я спрашиваю себя, осталась ли одна. Потом слышу тихое щелканье кнопок и понимаю, что Пол набирает смску. В этом образе кроется какой-то диссонанс, и я вдруг вспоминаю, что раньше он при мне никогда не посылал никому текстовых сообщений. В его жизни остались только два человека: мать, которая сводит все общение к редким звонкам, когда ей что-то надо, да его литературный агент, который предпочитает писать электронные письма – им теперь особенно нечего обсуждать. Мы с Полом, конечно же, перебрасываемся смсками, но только когда меня нет рядом.

Мои мысли звучат так громко, что даже он их слышит.

– Я сообщил им, где ты, – со вздохом говорит он и подсаживается чуть ближе к кровати.

Скорее всего, речь идет о родственниках. Друзей у меня совсем не много. Когда нас вновь окутывает тишина, вдоль позвоночника прокатывается волна какого-то необъяснимого озноба. Мысль о родителях отзывается приступом боли. Я не сомневаюсь, что Пол пытался с ними связаться, но они много путешествуют, и найти их на Рождество может быть непросто. Мы нередко не общаемся целыми неделями, хотя это далеко не всегда связано с их зарубежными поездками. Сначала в голове всплывает вопрос, когда они приедут, но потом я несколько подправляю его и думаю, приедут ли они вообще. Для них я не любимый ребенок, а лишь дочь, которая была у них всегда.

– Сука, – произносит Пол каким-то незнакомым мне голосом.

Я слышу, как ножки его стула со скрипом едут по полу. Тень над моими веками сгущается, и до меня доходит, что он склонился надо мной. Опять хочется крикнуть, я воплю изо всех сил... Но ничего не происходит.

Его лицо теперь так близко ко мне, что я даже чувствую на шее его горячее дыхание, когда он шепчет мне на ухо:

– Держись.

Мне не понять, что означают его слова, но дверь распаивается, и вот я уже в безопасности.

– О господи, Эмбер.

Это пришла моя сестра Клэр.

– Тебе не надо было сюда приезжать, – говорит Пол.

– Конечно надо. А ты мог бы позвонить и пораньше.

– Зря я вообще позвонил.

Суть конфликта между двумя нависшими надо мной теньями ускользает от моего понимания. Клэр и Пол всегда прекрасно ладили друг с другом.

– Как бы там ни было, я здесь. Что случилось? – спрашивает она, подходя поближе.

– Ее нашли в нескольких милях от дома. От машины осталась грудка металлолома.

– Кому какое дело до твоей гребаной колымаги.

Я никогда не возжу машину Пола. Я вообще никогда не езжу за рулем.

– Все будет хорошо, Эмбер, – произносит Клэр и берет меня за руку, – теперь рядом с тобой буду я.

Ее холодные пальцы касаются моих, возвращая меня во времена нашей юности. Она всегда любила держаться за руки. А я нет.

– Эмбер не слышит тебя, она в коме, – говорит Пол, и в голосе его явственно чувствуется какое-то странное удовлетворение.

– В коме?

– Гордишься собой?

– Я понимаю, ты расстроен, но ведь это не моя вина.

– Да что ты? У тебя, конечно же, есть право все знать, но здесь тебе не рады.

Мысли устремляются вперед бешеным галопом, но из всего сказанного я не могу понять ровным счетом ничего. Ощущение такое, будто меня выбросило в параллельную вселенную, где кроме меня все лишено смысла.

– Что у тебя с рукой? – спрашивает Клэр.

Так что же у него с рукой?

– Ничего.

– Тебе надо показать ее врачу.

– Все в порядке.

Комната, которую мне не дано видеть, начинает кружиться. Я пытаюсь удержаться на поверхности, однако вокруг, как и внутри, бурлит вода, затягивая меня обратно во мрак.

– Пол, пожалуйста. Она моя сестра.

– Эмбер предупреждала меня, что тебе нельзя доверять.

– Что за чушь ты несешь?

– Чушь, говоришь? – В комнате становится совсем тихо. – Убирайся.

– Пол!

– Убирайся, я тебе говорю!

Места колебаниям больше нет. Я слышу, как ноги на высоких каблуках выносят сестру из палаты. Дверь открывается и через мгновение закрывается. Я опять остаюсь наедине с мужчиной, который говорит, как мой муж, но ведет себя, как совершенно незнакомый человек.

Недавно

Понедельник, 19 декабря 2016 года, вечер

Я схожу с поезда и по тихим пригородным улочкам иду домой, к Полу. Я по-прежнему сомневаюсь, что смогу удержаться на работе, но, может быть, я хотя бы сумею оттянуть время и сделать то, что нужно. Я ничего ему не скажу. По крайней мере сейчас. А потом, может, и не придется.

С тех пор как мы познакомились, терять работу мне уже не впервой. Моя карьера тележурналистки внезапно оборвалась два года назад, когда редактор слишком часто и назойливо стал проявлять ко мне свое дружеское расположение. Он работал не покладая рук и однажды одну из этих рук засунул мне под юбку. На следующий день кто-то процарапал глубокие борозды на его «БМВ». Он решил, что это я, и выходить в эфир мне больше не довелось. Его домогательства на этом тоже закончились. Я ушла, не дожидаясь, когда он найдет предлог меня уволить, и если честно, испытала огромное облегчение, потому что ненавидела телевидение всеми фибрами души. Но вот Пола это убило. Та версия жены ему нравилась. Он ее любил. Теперь же, дома, я вечно путалась у него под ногами. И стала совсем не той женщиной, на которой он женился. Потеряла работу, совсем по-другому одевалась и больше не рассказывала интересных историй. В прошлом году на чьей-то свадьбе сидевшая рядом с нами чета спросила, чем я занимаюсь. Не успела я ответить, как вмешался Пол: «Ничем». Из человека, которого он любил, я превратилась в ненавистное ему ничтожество.

Пол говорил, что я, без конца сидя дома, мешаю ему писать. В глубине сада у него был выстроен домик, где он мог уединиться, делая вид, что меня вовсе нет. Полгода назад Клэр увидела объявление о вакансии на передаче «Кофейное утро», скинула мне ссылку и предложила послать им резюме. Я не думала, что получу эту работу, но она досталась именно мне.

Я неуверенно шагаю по садовой дорожке и нащупываю в сумочке ключи. Доносящиеся из дома музыка и смех меня озадачивают. Пол не один. Помнится, после обеда я несколько раз пыталась с ним связаться, но он ни разу не ответил и не потрудился мне перезвонить. Слегка дрожащими руками открываю дверь.

Они сидят на диване и хохочут, Пол на своем обычном месте, Клэр на моем. На столе перед ними застыли в банальном натюрморте два бокала и опустошенная почти до дна бутылка вина.

А ведь она не любит красное.

Они несколько смущены моим появлением, я же чувствую себя грабителем в своем собственном доме.

– Привет, сестренка. Как жизнь? – спрашивает Клэр, вставая, чтобы расцеловать меня в обе щеки.

Ее обтягивающие джинсы от модного дизайнера выглядят так, будто их нанесли на тело методом напыления, из-под них выглядывают изящные стопы с элегантным педикюром. Когда она поднимается, ее облегающий белый топ демонстрирует чуть больше, чем надо. Раньше я его не видела, наверное, он новый. Она одевается так, будто мы все еще молоды, будто мужчины пялятся на нас так же, как и раньше. Оно, может, и так, хотя я что-то не замечала. Ее длинные светлые волосы старательно отутюжены и заложены за уши, словно подвязанные невидимой лентой. Она вся чистая и ухоженная, сразу видно, что тщательно следит за своей внешностью. Двух более разных людей, чем мы с ней, даже представить трудно. Она стоит совсем близко от меня, ожидая с моей стороны каких-то слов. Аромат ее духов проникает в ноздри и пробирается к горлу, я чувствую языком их вкус. Знакомый, но опасный. Приторно-сладкий.

– Я думал, вы сегодня после работы отправитесь куда-нибудь развлечься, – говорит Пол, не вставая с дивана.

При виде пакетов с покупками, в которых аккуратно сложены и завернуты в несколько слоев бумаги мои новые наряды, он слегка прищуривает глаза. Я молча жду, когда он посмеет на это что-то сказать. Это мои деньги, я их сама заработала и буду тратить как хочу. Ставлю сумки на пол и замечаю, что от их пластиковых ручек на пальцах остались глубокие красные борозды.

– Планы изменились, – говорю я Полу и поворачиваюсь к Клэр: – Не знала, что ты сегодня собралась к нам. У тебя все хорошо?

Мне не нужно объяснять, что здесь происходит.

– Да, все отлично. Дэвид сегодня опять работает допоздна, вот я и собралась повидаться с тобой и немного посплетничать, но забыла, что у тебя, в отличие от меня, бурная светская жизнь.

Клэр слишком усердствует, улыбка на ее лице будто причиняет ей боль.

– А где дети? – спрашиваю я.

Улыбка тут же блекнет.

– С ними сидит соседка, они в полном порядке. Я никогда бы не оставила их с человеком, на которого нельзя положиться.

Сестра поворачивается к Полу, но упорно смотрит в пол и не поднимает головы. От вина ее губы немного заалели, а щеки покрылись легким румянцем. Она никогда не умела пить. И вот тогда я вижу в ее взгляде тот самый проблеск опасности, так хорошо мне знакомый. Она знает, что я его заметила и что я помню его значение.

– Ну, мне пора, я не думала, что уже так поздно, – говорит она.

– Я бы с удовольствием попросила тебя остаться, но мне нужно поговорить с мужем. – Сначала мне хотелось сказать «с Полом», но подсознание посчитало нужным на ходу переписать сценарий.

– Хорошо-хорошо, без проблем. Скоро увидимся. Надеюсь, на работе у тебя все в порядке, – говорит она, берет пальто, сумочку и уходит, оставив на столе недопитый бокал вина.

Не успевает за ней закрыться дверь, как я тут же обо всем сожалею. Знаю, что должна была пойти за ней, извиниться, сказать, что по-прежнему ее люблю и что наши отношения ничто не омрачает. Но остаюсь на месте.

– Неловко вышло, – говорит Пол.

Я не отвечаю и даже на него не смотрю. Вместо этого бездумно запираю на два замка входную дверь, беру бокал Клэр и направляюсь на кухню. Он идет за мной, а когда я выливаю рубиновую жидкость в раковину, останавливается в дверном проеме. Фарфор мойки покрывается темно-красными пятнами, и я открываю кран, чтобы их смыть.

– Да, мне было несколько странно вернуться домой и увидеть, что мои муж и сестра вовсю развлекаются, устроив себе премилый вечерок.

От выпитого мной самой вина язык немного заплетается. По выражению лица Пола становится ясно: он считает, что я либо просто веду себя глупо, либо ревную, либо то и другое вместе. Но дело не в этом. Меня пугают ее скрытые мотивы. Можно не сомневаться: Клэр знала, что я сегодня вернусь позже, и раз спланировала детей, значит, спланировала все заранее. Ему этого объяснить нельзя, он мне просто не поверит, потому что не знает ее так, как я, и не понимает, на что она способна.

– Не валяй дурака. Я просто хотел сказать, что тебе не следовало так бесцеремонно выставлять ее за дверь. Она зашла повидаться, а ты ее обидела.

– Если бы она действительно хотела повидаться, могла бы сначала и позвонить.

– Так ведь она и звонила, несколько раз. Но ты не брала трубку и не перезвонила.

Я вспоминаю, что сестра действительно пыталась сегодня со мной связаться, причем дважды. Первый раз во время моего разговора с Мэтью, будто знала, что у меня что-то пошло не так. Я поворачиваюсь к Полу, но не могу подобрать нужных слов. В этот момент меня в нем все бесит. Как мужчина он все еще привлекателен, но от невзгод, с которыми ему пришлось столкнуться на жизненном пути, выглядит затрапезным и потрепанным, будто когда-то сверкавший, но со временем потускневший кусок серебра. Слишком худ, кожа его будто сто лет не видела солнца, волосы для его возраста слишком длинные, хотя откровенно говоря, он так толком и не повзрослел. По тому, как Пол стиснул зубы, я вижу, что он на меня злится, и по какой-то причине меня это заводит. Секса у нас не было несколько месяцев, с годовщины нашей свадьбы. Может, теперь оно так и будет – удовольствие раз в год.

Я поворачиваюсь к плите, пальцы складываются в знакомую фигуру. Раньше я при нем никогда так не делала, но теперь мне плевать.

– У тебя неприятности на работе? – спрашивает муж.

Я не отвечаю.

– Не понимаю, почему ты оттуда не уходишь.

– Надо, вот и не ухожу.

– Но почему? В деньгах мы не нуждаемся. Ты могла бы попытаться вновь найти работу на телевидении.

Разговор между нами окутывается пеленой молчания, заглушающей слова, которые мы произносим только мысленно, но никогда вслух. Радио погубило его телезвезду. Я упорно смотрю на плиту и начинаю шепотом считать.

– Может хватит, а? – говорит он. – Это же бред.

Я не обращаю на него внимания и продолжаю свой ритуал. Я чувствую, что он не сводит с меня глаз.

Колесики автобуса все крутятся и крутятся...²

В последнее время мы только и делаем, что ссоримся.

Все крутятся и крутятся...

Чем больше я стараюсь удержать от краха наш брак, тем быстрее он распадается.

Все крутятся и крутятся...

Я не из тех, кто плачет, у меня свои способы выразить тоску.

Колесики автобуса все крутятся и крутятся...

Как же мне хотелось бы сказать ему правду.

Весь день с утра до ночи.

В голове само по себе всплывает детское воспоминание. Лучше бы не всплывало.

– С тобой все в порядке? – спрашивает Пол, наконец отходя от двери.

– Нет, – шепчу я, позволяя ему меня обнять.

Это правда, хотя и не вся.

² Слова английской детской песенки «The Wheels on the Bus».

Давно

Понедельник, 16 сентября 1991 года

Дорогой Дневник,

Сегодня был очень интересный день, я пошла в новую школу. Само по себе это не очень интересно, такое со мной происходит часто, но сегодня все было как-то по-особенному, как будто в этот раз наконец-то все получится. Классная руководительница вроде хорошая. Уверена, мама про нее скажет: «Миссис Макдональд любит покушать, да?» Мама так часто говорит, она так дает понять, что человек слишком полный. Мама говорит, что нужно всегда выглядеть как можно лучше, потому что хоть и говорят, что книгу по обложке не выбирают, обычно люди так и делают. Миссис Макдональд старше мамы, но моложе нашей покойной Буси. Она меня просто представила классу, без всяких песен и плясок, не то что другие учителя, а потом сказала сесть. Было всего одно свободное место в самом конце, так что я там и села. Как обычно бывает в новой школе, этот день прошел нормально. Мама говорит, что здесь-то мы уж точно задержимся надолго, но она так и раньше уже говорила.

Они сейчас читают дневник девочки по имени Анна Франк, но начали совсем недавно, так что я пропустила совсем чуть-чуть. Соседка по парте поделилась со мной своей книжкой. Она сказала, чтобы я звала ее Тэйлор, это ее фамилия, а не имя, но, в общем, какая разница. Я заметила на ее пиджаке следы от мела и теперь понимаю, что она из таких, которых остальные ребята не любят.

На домашку нам задали писать в дневник каждый день в течение недели, примерно как Анна Франк, только она вела дневник намного дольше. Самое классное – нам не надо его сдавать, потому что миссис Макдональд говорит, что дневники – это очень личное. Сначала мне вообще не хотелось ничего делать – все равно ведь никто не узнает, но мама с папой внизу опять ругаются, поэтому я передумала и решила все же попытаться.

Не думаю, что мой дневник будет такой же занимательный, как у Анны Франк. Я не очень интересный человек. Миссис Макдональд говорит, что если не знаешь, что писать, нужно просто вспомнить какие-нибудь три правдивые вещи о себе. Она говорит, что каждый может найти эти три вещи, и что быть честным с собой гораздо важнее, чем быть честным с другими. Так что вот эти три вещи, которыми я хочу с тобой поделиться (все три – абсолютная правда):

1. Мне почти десять лет.
2. У меня нет друзей.
3. Родители меня не любят.

Проблема с честностью в том, что от нее хреново.

Моя Буся умерла от рака. Когда она заболела, мы переехали к ней, но лучше ей все равно не стало. Ей было шестьдесят два, кажется, что она была очень старой, но вот мама говорит, что в таком возрасте умирать рано. Раньше я проводила с Бусей много времени, она меня брала во всякие крутые места и всегда внимательно слушала. У нее никогда не было много денег, но на прошлое Рождество она подарила мне этот дневник. Она считала, что если я буду записывать, что думаю и чувствую, мне будет проще справляться с проблемами. Уже почти год прошел, я тогда ее не послушалась и теперь об этом жалею. Эх, надо было записывать все, что она говорила, потому что теперь я уже начинаю забывать ее слова.

Думаю, что раньше папа с мамой меня любили, но я так часто их расстраивала, что их любовь постепенно исчезла. Они даже друг друга не любят, все время ссорятся и орут. Они ругаются по самым разным поводам, но в основном из-за денег, которых нам постоянно не

хватает. А еще из-за меня. Один раз они даже устроили такой крик, что наш бывший сосед вызвал полицию. Мама сказала, что это позор, так что когда полицейские уехали, они стали ругаться еще сильнее. Теперь мы больше там не живем, и мама говорит, что все это ерунда и что окружающим не стоит совать свой нос в чужие дела. После переезда она сказала, что мы «начнем все с нуля», а потом добавила:

– Тебе же будет приятно найти себе новых друзей?

Она даже не заметила, что у меня и старых-то нет.

Раньше, оказываясь на новом месте, я каждый раз заводила друзей, но мне всегда было ужасно грустно, когда потом с ними приходилось расставаться. Теперь я больше не рыпаюсь. Никакие друзья мне не нужны. Когда кто-то приглашает меня на день рождения, я вежливо отказываюсь, объясняя, что меня все равно не пустят. И даже не показываю маме приглашения, сразу выбрасываю. Проблема в том, что если ты идешь к кому-то в гости, то рано или поздно тебе придется принимать гостей и у себя. Буся всегда говорила, что лучше дружить с книгами, чем с людьми. Книги, говорила она, унесут тебя куда угодно, если ты им позволишь. Думаю, она была права.

После смерти Буси мама обещала сделать в доме ремонт, но все осталось как прежде. Я сплю в Бусиной комнате на той самой кровати, где она однажды уснула и уже не проснулась. Мама предложила купить мне новую, но я не хочу, по крайней мере пока. Порой мне кажется, что я до сих пор вдыхаю Бусин запах, хотя это глупо, потому что постельное белье стирали миллион раз, да и вообще это другое белье. В моей комнате две кровати. На второй когда-то спал дедушка, но он умер не здесь, а в чужом доме.

Пока что не похоже, чтобы они там закончили ругаться. Потом папа откроет бутылку красного вина и нальет себе большой бокал. Мама тем временем вынет из морозилки что-нибудь для ужина и приготовит себе напиток, похожий на воду (но это будет не вода). Когда я вырасту, никогда не буду пить спиртного, мне не нравится, как оно действует на людей. Мы сядем есть разогретую в микроволновке лазанью, потом кто-то из них вспомнит, что я сегодня пошла в новую школу, и спросит, как прошел первый день. Я скажу им, что все было хорошо, расскажу немного об одноклассниках и учителях, а они будут делать вид, что внимательно меня слушают. Поев, папа возьмет оставшееся вино и пойдет в свой кабинет, то есть в комнату, где Буся раньше любила шить. Он ее переименовал, но он там не работает, а смотрит маленький телевизор. Мама будет мыть посуду, я в одиночку посижу в гостиной и перед сном посмотрю большой телевизор. Потом, в девять часов, мама скажет мне подниматься наверх и ложиться спать. Чтобы не забыть об этом, она даже ставит будильник. Как только я улягусь и им покажется, что я уснула, они опять начнут ругаться. В детстве Буся пела мне колыбельную, чтобы я быстрее уснула. «Колесики автобуса все крутятся и крутятся». Тогда она мне не особо нравилась, но теперь я порой мурлычу ее себе под нос, чтобы не слышать, как папа кричит, а мама плачет. Вот в основном и вся моя жизнь. Я ведь говорила, что она далеко не такая интересная, как у Анны Франк.

Сейчас

Вторник, 27 декабря 2016 года

Я слышу за окном проливной дождь, по стеклу будто беспрестанно барабанит армия крохотных ноготков, пытаюсь пробудить меня от этого бездонного сна. Когда очередная сердитая капля оказывается бессильна разрушить заклятие, я представляю, что она превращается в слезинку и горестно стекает вниз. На дворе, вероятно, ночь, вокруг тихо. Я воображаю, что вновь обретаю способность встать, подойти к окну, вытянуть наружу руку, почувствовать на ладони дождь и поднять глаза на ночное небо. В страстной тоске по свободе я задаюсь вопросом: а суждено ли мне вообще когда-либо вновь увидеть звезды? Все мы сотканы из плоти и звезд, но в конечном итоге неизменно превращаемся в тлен. Так что лучше сиять, пока еще есть возможность.

Хотя я одна, в голове до сих пор звучит голос Пола. *Держись*. Я пытаюсь, но смысл происходящего по-прежнему от меня ускользает. Не понимаю, почему он ссорился с Клэр, ведь они всегда так хорошо ладили. Она хоть и младшая сестра, но всегда опережает меня на шаг. Мне часто говорят, что мы похожи, но она красивая блондинка, в то время как я лишь темно-волосая подражательница, от которой одни только разочарования. Ее можно с полным основанием назвать новой, улучшенной версией дочери, которую папе с мамой так хотелось всегда иметь. Они всегда считали ее совершенством. Я сначала тоже так думала, но когда она стала жить с нами, обо мне все забыли. Родители никогда не знали ее так, как я, и не видели того, что было доступно моему взору.

Меня опять засасывает пучина забвения. Я борюсь сколько могу, и когда уже вот-вот готова сдаться, открывается дверь.

Я знаю, это она.

Клэр всегда пользовалась теми же духами, что и мама; она верна своим привычкам. И она всегда перебарщивает. Она медленно движется ко мне, и я ощущаю едва уловимый запах кондиционера для белья. Думаю, на ней сейчас что-нибудь облегающее и женственное, но слишком тесное – мне в такое не влезть. Я слышу, как ее тонкие, невысокие каблочки цокают по полу. Интересно, на что она сейчас смотрит? Клэр не торопится. Она пришла одна.

Она берет стул, придвигает его к кровати и садится, теперь наступает ее очередь мне что-нибудь молча почитать. Время от времени я слышу, как сестра переворачивает страницы – к посещению она приготовилась заранее. Воображение рисует, как ее руки с маникюренными ногтями держат на коленях книжку. Я представляю, как палата превращается в стерильную библиотеку, а я сама в призрачную библиотекаршу, приговаривающую к тишине каждого посетителя: «Тссс!» Вообще-то Клэр читает очень быстро, поэтому слыша, что страницы переворачиваются не слишком часто, я понимаю, что она по привычке играет на публику. В этом деле она настоящий мастер.

– Как бы мне хотелось, чтобы здесь сейчас оказались папа и мама, – говорит она.

А вот я только рада, что их нет.

Ей хочется, чтобы они пришли ради нее, но никак не ради меня. По всей видимости, родители, как всегда, решат, что я сама во всем виновата. Я слышу, что Клэр откладывает книгу, которую до этого напоказ читала, встает и подходит ближе. Мысли в моей голове звучат все громче и громче, принуждая меня к ним прислушиваться, но так быстро носятся во все стороны и сталкиваются друг с другом, что мне не удается задержаться ни на одной из них, чтобы постичь ее смысл. Лицо Клэр теперь так близко ко мне, что я могу ощутить в ее дыхании аромат кофе.

– У тебя в волосах до сих пор осколки стекла, – шепчет она.

Как только ее слова достигают моих ушей, я чувствую, что какая-то сила быстро тащит меня назад, будто по длинному, погруженному во мрак тоннелю. Я сижу на высокой ветке засохшего дерева, опускаю глаза и обнаруживаю, что на мне по-прежнему больничная сорочка. Улица внизу мне знакома, я живу неподалеку, поэтому можно считать, что здесь я почти дома. Вдали громыхает буря, в воздухе висит запах гари, но мне не страшно. Я протягиваю руку, чтобы ощутить капли начавшегося дождя, но она остается сухой. Перед глазами лишь самый темный оттенок черного да крохотный проблеск света вдали. Я так рада его видеть... Но только пока не понимаю, что это не звезда, а свет фары. Вот их уже две. В ушах свистит ветер, я вижу, что в мою сторону на огромной скорости несется автомобиль. Опускаю глаза на улицу внизу и вижу посреди дороги маленькую девочку в пушистом розовом халате. Она поет:

Звездочка, сияй в ночи,

Потом поднимает на меня глаза.

Расскажи мне, не молчи.

Тут она начинает путать слова.

Отчего ты так грустна?

Машина теперь совсем близко. Я кричу ей быстрее сойти с дороги.

Ты давно сошла с ума.

И только в этот момент замечаю, что у нее нет лица.

Я вижу, что машина дергается вбок, чтобы не сбить ее, идет юзом и врезается в мое дерево. От удара я чуть не падаю с ветки вниз, но чей-то далекий голос велит мне *держаться*. Время у моих ног замедляется. Девчушка безудержно смеется, и я в ужасе наблюдаю, как через ветровое стекло из автомобиля вылетает женщина. Будто в замедленной съемке она парит в воздухе в облаке осколков стекла. Потом ее тело тяжело шлепается на землю прямо подо мной. Я перевожу взгляд обратно на девочку. Она больше не смеется, а лишь подносит палец к тому месту, где должны быть губы: «Тссс!» Я опускаю глаза на тело женщины. Я знаю, что это я, но не хочу больше ничего видеть и закрываю глаза. Вокруг тихо, только радио продолжает наигрывать рождественские песенки в искореженном кузове. Музыка вдруг обрывается, и сквозь треск эфира доносится голос Мадлен. Сидя на ветке, я зажимаю уши, но все равно слышу, как она повторяет одни и те же слова:

Здравствуйте, это программа «Кофейное утро».

Случайностей в жизни не бывает.

Я кричу, однако голос Мадлен нарастает, становясь все громче. В этот момент дверь палаты открывается, и я падаю с ветки прямо на больничную кровать.

– Вот и я, – говорит Пол.

– Вижу, – отвечает Клэр.

– Я это к тому, что ты можешь идти. Мы договаривались, что когда я здесь, тебя рядом быть не должно.

– Не мы, а ты... – возражает она. – Я никуда не пойду.

Клэр берет в ногах кровати отложенную книгу и вновь садится на стул. На несколько мгновений становится тихо, потом я слышу, как Пол устраивается в противоположном углу палаты. По ощущениям, в такой диспозиции мы пребываем довольно долго. Я не знаю, бодр-

ствовала ли все это время или порой засыпала, и не могу сказать с уверенностью, что ничего не пропустила. У меня крадут часы, вырезают отрывки жизненного повествования, прежде чем я успеваю их посмотреть.

Снова раздаются голоса, на этот раз новые и незнакомые. Все как будто говорят одновременно, перебивая друг друга, поэтому слова на пути к моим ушам путаются и сливаются. Мне приходится прилагать массу усилий, чтобы превратить их в членораздельную речь.

– Мистер Рейнольдс? Я старший инспектор полиции Джим Нендли, а это констебль Хили. Можно вас на минутку? Мы хотели бы с вами поговорить, – доносится от двери мужской голос.

– Конечно, – отвечает Пол, – вы по поводу аварии?

– Нам лучше поговорить наедине, – произносит инспектор.

– Поняла, ухожу, – говорит Клэр.

Когда она выходит из палаты, внутри у меня все сжимается. Я слышу щелчок замка, потом кто-то откашливается.

– Позапрошлым вечером ваша супруга была за рулем вашей машины? – спрашивает детектив.

– Да, – отвечает Пол.

– Вам известно, куда она направлялась?

– Нет.

– Но вы видели, как она уехала?

– Да.

Я слышу долгий, протяжный вздох.

– Вскоре после того, как «скорая» привезла вашу жену в больницу, двое наших коллег приехали к вам домой. Но вас там не застали.

– Я отправился ее искать.

– Пешком?

– Ну да. А утром, когда они явились опять, я был дома.

– Значит, вы знали, что накануне вечером к вам приезжали полицейские?

– Э-э-э... на тот момент еще нет, но вы ведь сами только что сказали, что...

– Сотрудников, с которыми вы говорили вчера утром, послали сообщить, что ваша супруга в больнице. А вот первый наряд поехал к вам после того, как к нам позвонили и сказали, что вы с ней прямо на улице устроили жуткий скандал.

Пол ничего не говорит.

– Если вы не знали, куда поехала жена, то где собирались ее искать?

– Я выпил, в конце концов, было Рождество. Не в состоянии рассуждать логично, немного побродил вокруг...

– Вижу, у вас перевязана рука. Что случилось?

– Я не помню.

Он лжет, я это точно знаю, только вот почему?

– Мы говорили с персоналом, дежурившим вечером, когда вашу жену сюда привезли. Врачи утверждают, что некоторые повреждения она получила еще до аварии. Вы не в курсе, откуда они могли у нее взяться?

Какие еще повреждения?

– Нет, – отвечает Пол.

– Вы не видели ни отметин у нее на шее, ни синяков на лице? – спрашивает женщина-полицейский.

– Нет, – повторяет он.

– Ну что ж, я вижу, нам лучше поговорить в более интимной обстановке, мистер Рейнольдс, – произносит детектив, – вам придется проехать с нами в участок.

В палате воцаряется тишина.

Недавно

Четверг, 20 декабря 2016 года, утро

– В общем, мне удалось заказать вам столик в «Лэнхеме», знакомые помогли.

– Здорово. А зачем? – спрашивает Мэтью, не отрываясь от монитора компьютера.

До эфира осталось меньше десяти минут, и практически все, в том числе и Мадлен, уже в студии.

– Для бранча, – отвечаю я.

– С кем?

Он поднимает глаза и наполовину переключает на меня свое внимание. Я вижу, как меняется выражение его лица, когда он видит мое новое платье, макияж и волосы, приобретшие форму благодаря фену и массажной щетке. Он немного выпрямляется на стуле, и его левая бровь оценивающе приподнимается, выгибаясь дугой. Интересно, не ошиблась ли я, полагая, что он гей?

– С сегодняшними нашими гостями – дамами за пятьдесят. Мы говорили об этом на прошлой неделе, – отвечаю я.

– В самом деле?

– Ну да. После эфира вы собирались их куда-нибудь сводить и поговорить о планах на будущее.

– О планах на будущее?

– Сказали, что мы должны встряхнуться и взять на вооружение более передовой подход.

– Не помню, чтобы я что-то подобное говорил.

Так оно и есть. Когда Мэтью охватывают сомнения, я накрываю его новой лавиной тщательно отрепетированных слов:

– Они полагают, что вы встретитесь с ними сразу по окончании выпуска, но если хотите, я могу принести им извинения и все отменить.

– Нет-нет. Теперь я действительно припоминаю. Мадлен тоже с нами поедет?

– Нет, только вы и наши гости. – Мэтью хмурится. – Чтобы они могли откровенно рассказать, что получается хорошо, а что не очень.

Эту часть своей речи я не репетировала, но слова срываются с губ сами собой и делают свое дело.

– Ну хорошо, думаю, в этом действительно есть смысл. В три часа у меня сеанс физиотерапии, поэтому сразу после обеда мне придется пулей мчаться домой.

– Разумеется, босс.

– И сейчас к нам в студии «Кофейного утра» присоединяется Джейн Уильямс, редактор самого популярного британского журнала «Савуар-Фер», а также писательница и телеведущая Луиза Форд. Мы будем говорить о женщинах за пятьдесят, работающих в средствах массовой информации, – говорит Мадлен и делает глоток воды.

В кои-то веки ей в студии так же неуютно, как и мне. Чтобы успокоиться, не вскочить и не выбежать из крохотного темного помещения, я что есть сил вонзаю под столом ногти в коленки.

Вчера вечером я завела в «Твиттере» фейковый аккаунт, на это ушло всего пять минут, пока Пол принимал перед сном душ. Выложила несколько фотографий кошек, найденных в Интернете, а когда проснулась, у меня уже было больше сотни фолловеров. Ненавижу кошек. И не понимаю, что хорошего в соцсетях. Точнее, понимаю, но все же для меня остается загадкой, почему такое количество людей тратит на них столько времени. Это же не настоящая жизнь.

Просто белый шум. Но я все же рада, что они есть. Мой твит, гласящий «Неужели Мадлен Фрост покидает “Кофейное утро”?» за двадцать минут набрал восемьдесят семь ретвитов, а хештег #ФростВЖопе приобрел огромную популярность. Его придумала Джо.

От непривычного макияжа кожа на лице как-то отяжелела. Красная помада прекрасно подходит к моему новому платью, в этих доспехах, выбранных с особым тщанием, я чувствую себя в полной безопасности. Маска притворства на лице скрывает шрамы и смягчает угрызения совести, ведь все мои нынешние действия нужны только чтобы выжить. Заметив, что я вышла из образа, опускаю глаза и смотрю на свои красные пальцы. Поначалу мне видится на них кровь, но потом до меня доходит, что я просто испачкала их алой губной помадой.

Я прячу под себя руки, чтобы больше их не видеть. Надо сохранять спокойствие, иначе мне ни в жизнь с этим не справиться. До меня вдруг доходит, что я закусилась нижней губой, что зубы впились в ту же плоть, которую незадолго до этого тербели пальцы. Я разжимаю их и сосредоточиваю все внимание на полупустом стакане Мадлен. Шипение и бульканье газированной воды, которую она держит в руке, будто становится громче, когда глаза преобразуют образ в звук. Я перенастраиваю слух обратно на ее голос и вновь старательно пытаюсь сосредоточиться.

Потом улыбаюсь каждой гостье, сидящей с нами за столом. Как мило с их стороны так быстро откликнуться на нашу просьбу. Пока они упорно и нахально пытаются друг друга переговорить, стараясь сделать себе рекламу, я изучаю их лица. Каждый из нас пришел сегодня сюда со своей особенной целью. Если докопаться до истинных, первородных намерений человека, то наименьший общий знаменатель в обязательном порядке будет сводиться к потребности быть услышанным, к желанию перекричать грохот современной жизни. На этот раз я не хочу никому задавать вопросов; пусть бы сегодня кто-нибудь выслушал меня саму и сказал, не грешит ли против истины моя собственная версия правды. Порой верный поступок оказывается совсем не правильным, но на то она и жизнь.

Растянутая на моем лице улыбка причиняет боль. Потуги изображать из себя счастливого человека небезуспешны, но при этом отнимают столько сил, что я помимо своей воли то и дело поглядываю на стену студии, где у нас висят часы. Время передачи подходит к концу, однако здесь, в этом помещении, оно будто застыло, поймав меня в ловушку неприступных минут. Утомившись вглядываться в сценарий, глаза каждый раз поднимаются на циферблат и смотрят на них до тех пор, пока я не замираю неподвижно, взирая, как минутная стрелка прокладывает себе курс к забвению. Тиканье, обычно совершенно незаметное, становится все громче – до такой степени, что вскоре мне трудно расслышать за ним, что говорят гости. Я вижу лица членов нашей команды на галерее, такое ощущение, что они все смотрят на меня. Ищу глазами Джо, но ее нигде не видно. Потом опять пощипываю губы, резко отдергиваю руку, злюсь на себя, что опять утратила над собой контроль, и вытираю пальцы о ткань платья. Красное на красном. Оказывается, чтобы перестать быть собой, требуется больше усилий.

Когда эфир наконец благополучно завершается, я с удовольствием смотрю вслед направляющейся в офис Мадлен, точно зная, что ее там ждет. Благодарю гостей – кому-то же ведь надо! – и оставляю их на попечение Мэтью, который уже стоит в пальто, готовый идти с ними в ресторан. Потом направляюсь в туалетную комнату, чтобы проверить, по-прежнему ли на месте маска притворства. Там стоит личная помощница Мадлен и смотрится в зеркало. Выглядит измотанной, в уголках глаз залегла тоска, при виде которой ее так и хочется защитить. Я улыбаюсь ей, она робко улыбается в ответ. В ее многочисленные обязанности входит утренний просмотр почты Мадлен, которая слишком занята для того, чтобы делать это самостоятельно. Причем разгребать всегда приходится приличную кучу: пресс-релизы, приглашения, предложения всякой халявы, в общем, как обычно. Ей приходится больше писем, чем нам всем вместе взятым, включая меня. Плюс корреспонденция от фанатов. После шоу она должна быть у нее на столе. По окончании эфира Мадлен любит сама читать личные послания и помечать неболь-

шим красным стикером те, которые, по ее мнению, заслуживают ответа. Письма она никогда не хранит. Вдыхать восхищение и выдыхать надменность – вот к чему сводится ее персональный, выполненный на заказ фотосинтез. В ответ на помеченные красным стикером письма она посылает фотографии со своим автографом. Ответы не пишет и даже подписи ставит не сама: это тоже обязанность ее личной помощницы. Я смотрю, как она накладывает новый макияж. Интересно, а как чувствует себя человек, которому каждый день приходится выдавать себя за кого-то другого?

Я направляюсь в переговорку и вместе с остальными жду разбора полетов. Когда сажусь, Джо мне незаметно кивает – «Проект Мадлен» пока идет по плану. Коллеги тихонько переговариваются, обсуждая циркулирующие в Интернете слухи об уходе Мадлен, и я рада, что молва подхватила их и понесла дальше. Ложь, если ее достаточно часто повторять, в конечном итоге имеет все шансы стать правдой. Горячее обсуждение тут же прекращается, как только она входит в комнату. Мадлен с грохотом захлопывает за собой стеклянную дверь и садится за стол. Полагаю, она тоже видела, что творится в «Твиттере». Она понятия не имеет, как распечатать собственный сценарий, но писать твиты умеет. Мне хорошо известно, что после каждого эфира она проверяет свой аккаунт, желая убедиться, что пятьдесят тысяч фолловеров ее по-прежнему обожают. Конечно, ей не очень-то весело было обнаружить, что ее обсуждают по такому неприятному поводу.

– Где мой кофе? – рывкает она, не обращая ни к кому в особенности.

Лицо ее личной помощницы заливаается краской.

– Да вот же он... Мадлен... – отвечает она, указывая на дымящийся напиток на столе.

– Это не моя чашка. Сколько раз я должна тебе повторять?

– Но она в посудомоечной машине.

– Так помой ее! Ручками, ручками! Где Мэтью?

Я внимательно смотрю на эту успешную, грозную даму и никак не могу понять, откуда в ней столько злости. Мне многое о ней известно, даже то, о чем я предпочла бы никогда не знать и что сама Мадлен наверняка предпочла бы сохранить в тайне, особенно от меня, но это все равно никоим образом не объясняет ее ненависти. Я откашливаюсь и сжимаю под столом кулаки. Пришло время произнести свои реплики.

– Мэтью поехал в ресторан с Луизой и Джейн, – отвечаю я.

– Что? Почему? – спрашивает Мадлен.

– Не знаю. Сказал, что сегодня в офис не вернется.

Несколько мгновений Мадлен молчит. Все ждут. Она не поднимает глаз от стола, ее лицо, уже значительно покрытое морщинами, хмурится.

– Ну хорошо, может, кто-нибудь объяснит мне, кому в голову пришла мысль пригласить этих «дам за пятьдесят»? Лично я впервые услышала о них только сегодня утром.

Я предоставляю объяснения остальным, а сама откидываюсь на стуле и изучаю своего врага. Поверх очков в темной оправе, сползших на кончик вздернутого носа, она шныряет по комнате взглядом своих мертвых глаз.

*Эй, барашек, бе-бе-бе,
Сколько шерсти на тебе?³*

Ее пальцы с длинными, как у ведьмы, ногтями нетерпеливо барабанят по блокноту, между белых страниц которого виднеется самый кончик красного конверта. Стало быть, она только что все прочла. Я внутренне улыбаюсь.

Первый шаг пройден.

³ Слова детской песенки «Baa, baa, black sheep».

Давно

Четверг, 24 октября 1991 года

Дорогой Дневник,

В общем, Тэйлор, с которой я сижу за одной партой, хочет со мной дружить. Она этого не говорила, но я и без того вижу. Это проблема. Она хорошая девочка, хотя, кажется, не очень популярная, но меня это не беспокоит. Быть популярным совсем не так классно, как принято считать, потому что в этом случае окружающие ожидают от тебя слишком многого. Намного лучше смешаться с толпой, если ты в этом случае как-то отличишься, на тебя сразу обратят внимание.

Сегодня перед хоккейным матчем одна крутая девочка обидела Тэйлор. Ее зовут Келли О'Нил, она всегда загорелая, потому что постоянно ездит с родителями отдыхать, и она противная. Она сказала, что Тэйлор плоская, но это идиотизм, мы все плоские, нам же десять лет. Все засмеялись, но не потому что было смешно, а потому что боятся Келли, и это тоже идиотизм. Она всего лишь избалованная дура. Тэйлор очень покраснела, но она молодец, не разревелась. Буся часто говорила, что если сдерживать слезы, они превратятся в яд. Мама говорит, что только маленькие дети могут плакать и что это признак слабости. Лично я считаю, что все зависит от того, какие это слезы, потому что я постоянно вижу ее саму плачущей.

Я могу назвать три причины, по которым недавно плакала, когда никто не видел:

1. Буси больше нет.
2. Из моей ручки вылились чернила на книжку «Маленькие женщины».
3. Я легла спать без ужина, и у меня так болел живот, что я не могла уснуть.

Матч был нудный и скучный. Не успели мы доиграть до середины, как пошел дождь, но учительница физкультуры все равно велела нам продолжать, потому что дождик, по ее словам, еще никому не навредил. Мне показалось, что ей самой хотелось немного поразмяться. Она сказала, что от чрезмерного использования и недостаточного ухода трава на хоккейной площадке местами облысела, поэтому я старалась обходить такие места, надеясь, что это поможет. Потом в какой-то момент бросилась за мячом и поскользнулась. Я вытянула вперед руки, чтобы смягчить падение, выпустив из них клюшку. И только когда встала, увидела, что натворила. Моя клюшка полетела вперед и ударила Келли О'Нил прямо в лицо. У нее из носа пошла кровь и все такое. Это получилось случайно, так что я себя особо не виню. Правда, Буся всегда говорила, что просто так ничего не бывает и что все на свете имеет причину. Честно говоря, я не знаю, как к этому относиться. Иногда что-то просто происходит, хотя ты ничего такого и не собирался делать, и даже если тебе никто не верит, это не значит, что ты это сделал нарочно.

Я только что услышала, что внизу разбилась тарелка. Подошла к лестнице и на несколько секунд прислушалась. Папа орал, что она чуть не попала ему в голову. Поскольку тарелки не склонны сами собой летать по воздуху, я полагаю, что ее зашвырнула мама. В стране под названием Греция их бьют просто для веселья. Я слышала, как Келли О'Нил рассказывала об этом в раздевалке перед хоккеем. Она туда ездила отдыхать. Два раза. А вот я никогда не была за границей, зато ездила в Брайтон. Мы с мамой и папой как-то провели там выходные. Думаю, тогда они были счастливы. Но теперь точно нет. Я уже не помню, как выглядит папа, когда улыбается. Мама все время кажется грустной, и сейчас она гораздо толще, чем раньше. Вместо джинсов теперь носит лосины на резинке. Может быть, поэтому папа все время злится. Он как-то ей сказал, что она себя запустила, это значит, что теперь мама выглядит хуже, чем раньше, и потеряла всю свою привлекательность.

Я закрылась в своей комнате, но их голоса доносятся даже через дверь. Взяла с собой в постель дверную подпорку, которой пользовалась Буся. Она теперь не нужна, я хочу, чтобы моя дверь всегда была закрыта. Мне нравится ее трогать, она сделана в виде малиновки из коричневого металла. Бабушка очень любила эту вещь, и теперь она моя. Для птицы вся прелесть заключается в том, что у нее всегда есть возможность улететь. Но эта малиновка не может, ей придется остаться со мной, в нашей с ней комнате. Ей не дано ни летать, ни петь, ни свить гнездо где-нибудь в других краях. Хотя готова спорить, что если бы она могла, она бы улетела.

Я еще как следует обдумаю, буду ли я дружить с Тэйлор. Буся всегда говорила, что на своих проблемах надо поспать. Это значит, что если думать о чем-то трудном, когда идешь спать, тебе оно потом приснится, и если повезет, ты проснешься с готовым решением. Я обычно забываю свои сны сразу же, как проснусь, так что они никогда не могли мне хоть как-то помочь.

Недавно

Вторник, 20 декабря 2016 года, после полудня

Я возвращаюсь с работы рано, в надежде поговорить с Полом, но дома его не застаю. Видимо, он пошел проветриться. Он часто так делает, объясняя, что прогулки помогают, когда у него нет вдохновения. В последнее время слова не идут к нему, и я думаю, в его мире чудовищно тихо. В доме тоже тихо, и я не знаю, чем себя занять. Открываю холодильник и тупо гляжу внутрь – намного дольше, чем нужно, если учесть, что там почти ничего нет. В конце концов беру банку колы, сажусь за кухонный стол и смотрю через окно в сад. Сверху безоблачное небо, снизу зеленая трава, и только голые деревья да холодный воздух разоблачают иллюзию, будто стоит летний день. На минувшей неделе картина была совсем другой. Пол тогда уехал собирать материал, а я осталась дома одна, уверенная, что во тьме кто-то прячется, вынашивая план забраться в дом. Могу поклясться, что я отчетливо слышала, как кто-то крадется и пытается открыть заднюю дверь. Пол думает, это мне приснилось. Надо постараться об этом не думать.

Когда я открываю ногтем банку, она издает приглушенный свист, будто хочет позвать меня поближе и рассказать какой-то секрет. Делаю глоток. Какая холодная, аж зубы сводит, но это ощущение мне нравится, и я продолжаю жадно пить. Потом опять выглядываю в сад и вижу на заборе малиновку. Смотрю на нее, а она, кажется, смотрит на меня. Потом все происходит на удивление быстро. Комочек перьев на полной скорости решительно устремляется ко мне, но на его пути возникает стеклянная дверь. От удара я вскакиваю и опрокидываю банку. Крохотное тельце малиновки падает, будто в замедленной съемке и опускается на газон. Я бросаюсь к двери, но открывать ее не решаюсь. Лишь стою и смотрю на крохотную птичку, которая лежит на спинке, закрыв глаза, и взмахивает крыльшками, будто все еще летит. Не знаю, надолго ли мы вот так замираем – она пытается сделать вдох, я не в состоянии выдохнуть, – но время в конечном итоге возвращается к привычному ритму.

Малиновка затихает, раскинув крылья.

Красная грудка опадает и больше уже не поднимается.

Крошечные лапки опускаются на мокрую траву.

Я чувствую, что должна выйти, но не могу. Мне нужно оставаться под защитой стеклянного барьера. Я опускаюсь на колени и подаюсь вперед, как будто могу разглядеть, как через клювик из птицы уходит жизнь. Одна подруга как-то сказала мне, что малиновки – это души умерших, которые пришли к нам с вестью с того света. Интересно, что же это за весть? Я замечаю, что руки покрылись мурашками.

Неожиданный стук по стеклу заставляет меня вздрогнуть. Я поднимаю глаза и вижу Клэр. Она не замечает малиновку, хотя стоит совсем близко. Я встаю, открываю дверь, и она, не дожидаясь приглашения, переступает порог с таким видом, будто заходит к себе домой. Найти этот дом нам помогла она: увидела в Интернете объявление и быстренько договорилась с агентом о встрече. Я возражать не стала, тут действительно хорошо, но выбирать – это одно, а купить – совсем другое.

– Чем занимаешься? – спрашивает она, снимая пальто. Сестра, как обычно, выглядит просто великолепно, одежда на ней сияет чистотой, ни один волосок не выбивается из прически. А ведь у нее двое маленьких детей. Ее привычка идти в обход и пользоваться задней дверью, чтобы увидеть, дома ли я, меня бесит. Любой другой на ее месте позвонил бы в парадную дверь и уловил бы намек, если бы ему никто не ответил. Но только не Клэр. Она уже давно просит у меня ключ. Я всегда отвечаю, что как-нибудь закажу дубликат – как-нибудь потом.

– Ничего особенного... Просто показалось.

– Ты сегодня рано.

– Так Рождество же, на работе затишье.

– Пол дома? – спрашивает она, по-хозяйски вешая пальто на спинку кухонного стула.

– Не похоже.

Я сожалею об этих словах, едва успев их произнести. Мой тон, как всегда, не ускользнул от ее внимания.

– Ну что же, хорошо, что я застала тебя одну, – говорит она.

Я киваю, чувствуя себя прижатой к стенке.

– Выпьешь что-нибудь?

– Нет, спасибо, я ненадолго, мне еще надо забрать близняшек, – говорит Клэр, усаживаясь за кухонный стол.

Я беру полотенце, вытираю разлитую колу и устраиваюсь напротив; сиденье все еще хранит тепло моего тела. Помимо своей воли смотрю через ее плечо на мертвую птичку.

– Ну что? – спрашиваю я.

Голос звучит резче, чем мне хотелось бы. С Клэр я общаюсь совсем не так, как с другими. Это как включить радио и вдруг услышать песню, которая уже крутится у тебя в голове. Ты не мог знать, что именно поставят, но каким-то образом тебе удалось догадаться. Вот так выглядят и мои разговоры с Клэр.

– Видишь ли... Я за тебя переживаю... Мне показалось, нам надо поговорить, – отвечает она.

– Я в порядке.

– В порядке? Что-то не похоже. Ты не отвечаешь на мои звонки.

– Времени не было. Как-никак, а я работаю полный день.

Несколько секунд я внимательно вглядываюсь в ее лицо, стараясь выиграть время, пока уста отвергают любые предложенные мозгом слова. Она выглядит настолько моложе меня, что порой мне кажется, будто ее лицо в последние пару лет забывает стареть.

– Я просто немного устала.

Мне очень хотелось бы сказать ей правду, поделиться парой маленьких секретов, как и подобает сестрам, но я не знаю, с чего начать. У нас с ней столько общего, но в то же время мы абсолютно разные, и в нашем родном языке нет подходящих для подобных бесед слов.

– Помнишь парня, с которым я встречалась на последнем курсе университета? – спрашиваю я.

Клэр отрицательно качает головой. Ложь. Я уже жалею, что завела этот разговор.

– Как его звали?

– Эдвард. Ты еще его невлюбила. Хотя вряд ли это подстегнет твою память, тебе никто из моих парней не нравился.

– Ну почему, – возражает она, – мне нравился Пол.

Я игнорирую тот факт, что она использовала прошедшее время.

– Мы с ним столкнулись вчера на Оксфорд-стрит. Поистине сумасшедшее совпадение.

– Что-то такое припоминаю. Высокий, привлекательный и очень самоуверенный, да?

– Не думаю, что ты его когда-либо видела.

– К чему ты клонишь? Ты что, решила завести интрижку на стороне?

– Да нет, не нужны мне никакие интрижки. Просто пытаюсь поддержать разговор.

Я несколько мгновений упорно смотрю в стол, желая, чтобы Клэр ушла, но она даже и не думает.

– А с Полом как?

– Тебе лучше знать, ведь с некоторых пор ты проводишь с ним больше времени, чем я.

В моих словах слышится вызов, хоть я этого и не хотела. Мы ступаем на неизведанную территорию. Я заговорила на языке, который ей непонятен, – возможно, в первый раз в жизни

нам с ней понадобится переводчик. Клэр встает, собираясь уйти, и снимает со спинки стула пальто. Остановить ее я не пытаюсь.

– Я явно пришла не вовремя. Оставлю тебя наедине со своими мыслями.

Клэр открывает заднюю дверь, но перед уходом поворачивается и говорит:

– Не забывай – я всегда рядом.

Звучит как угроза. Я слышу, как она идет вдоль дома, хруст гравия постепенно утихает, наконец за ней с грохотом захлопывается калитка.

Мои мысли возвращаются к малиновке. На мгновение мне кажется, что она могла ожить, я бросаюсь вперед, но, подбежав к стеклянной двери, вижу, что ее коричневое тельце лежит на зеленом ковре без признаков жизни. Оставить ее здесь, растерзанную и одинокую, я не могу. Я открываю заднюю дверь и, перед тем как выйти, выжидаю пару секунд, чтобы не потревожить ту, кто сама меня тревожит. У меня не сразу получается собраться с духом, чтобы наклониться и поднять птичку. Она легче, чем мне казалось, будто соткана из одного лишь воздуха и перьев. Глухой стук ее крохотного тельца о дно мусорного бака перекликается со звуком удара о стекло, и мне никак не удается избавиться от нахлынувшего чувства вины. Я возвращаюсь обратно в дом и трижды мою руки, каждый раз обильно намыливая и до боли оттирая кожу. Потом вытираю их, но тут же опять включаю кран и мою опять и опять – до тех пор, пока не заканчивается мыло. После чего засовываю руки в карманы, на этот раз мокрыми, и стараюсь больше о них не думать. От того, что жизнь можно выбросить на помойку, будто мусор, меня охватывает странное чувство. Сейчас ты жив, а через минуту уже нет, и все из-за одной-единственной ошибки, одного неверного поворота.

Сейчас

Среда, 28 декабря 2016 года, утро

Мне становится труднее отделять сны от яви, я боюсь и того, и другого. Даже вспомнив где, я больше не знаю когда. Наступило утро, но ни дня, ни вечера за ним не предвидится. Я сбежала и спряталась от времени, и мне очень хотелось бы, чтобы оно снова меня нашло. У него, у времени, есть свой собственный запах. Будто у знакомой комнаты. Когда оно тебе больше не принадлежит, ты жаждешь его и томишься, понимая, что готов сделать что угодно, лишь бы вернуть его обратно. Когда же оно к тебе возвращается, опять воруешь украденные у тебя секунды, бездумно швыряешь минуты направо и налево, составляешь их вместе и куешь хрупкую цепь заимствованного времени, надеясь, что она сможет растянуться. Что времени хватит до следующей страницы. Если, конечно, эта следующая страница существует.

Я чувствую запах потерянного мной времени. И чего-то еще. Рядом со мной давно никого нет. Пол не вернулся, и с тех пор, как я начала отсчет секунд, в комнату так никто и не вошел. Я досчитала до семи тысяч, это означает, что мне пришлось пролежать в собственном дерьме больше двух часов.

До меня нередко доносятся голоса, пробуждая от этого сна во сне. Постепенно я начинаю к ним привыкать. Ко мне в палату приходят одни и те же медсестры, чтобы убедиться, что я все еще дышу и сплю, а потом вновь оставляют наедине с моими мыслями и страхами. Хотя нет, вру, они делают намного больше. Например, переворачивают меня, хотя и непонятно почему. В данный момент я лежу на левом боку, на котором как раз любила спать, когда у меня был выбор. Ведь раньше у меня всегда был выбор.

Большая часть дерьма прилипла к внутренней поверхности левого бедра. Я чувствую его прикосновение и запах. Вынужденно открытый рот почти даже ощущает его вкус, от этой мысли мне хочется прикрыть его рукой, но мне не дано сделать даже этого. Скрывающаяся в горле трубка до такой степени стала частицей моего естества, что я ее больше почти не замечаю. Воображение рисует меня в виде какого-то нового монстра из «Доктора Кто»: кожа и кости в переплетении трубочек и проводов. Я хочу, чтобы до прихода Пола меня помыли. Если, конечно же, он вообще придет. Дверь открывается, мне кажется, что это он, но запах белого мускуса убеждает меня в обратном.

– Доброе утро, Эмбер. Ну, как вы себя сегодня чувствуете?

Дайте подумать... чувствую себя дерьмово, лежу в дерьме и воняю тоже дерьмом. Почему они все продолжают со мной говорить? Ведь им известно, что ответить я не могу, и они не верят, что я способна их услышать.

– Ой-ой-ой... ну ничего, не волнуйтесь, сейчас мы здесь все уберем.

Спасибо.

Двое медсестер принимают меня обмывать. Они мне не представились, поэтому их имен я не знаю, но я придумала им прозвища. «Северянка» говорит с йоркширским акцентом. У нее есть привычка что-то бормотать себе под нос за работой, и даже тогда она, на мой взгляд, слишком растягивает гласные. Грубоватые на ощупь руки торопятся поскорее взяться за работу. Она с силой трет мою кожу, будто я не человек, а грязная сковородка, напроочь откалывающаяся расставаться с пятнами жира, в голосе ее неизменно звучит усталость. Сегодня вместе с ней пришла «Прокуренная» – прозвище говорит само за себя. Сиплый, низкий голос звучит так, будто она зла на весь белый свет. Когда эта женщина стоит рядом, я чувствую запах никотина, которым пропитаны ее пальцы, ее легкие, ее сиплое дыхание. Пока они вдвоем меня моют, я слышу шорох их пластиковых фартуков, плеск воды в тазу, чувствую запах мыла и прикосновение к коже облаченных в перчатки рук.

Закончив, медсестры переворачивают меня на правый бок. Я не люблю так лежать, для меня это неестественно. Одна из них расчесывает мне волосы, зажав в пучок, чтобы не рвать щеткой. Не хочет причинять мне дополнительные мучения. Я вспоминаю, как в детстве меня причесывала бабушка. «Северянка» протирает мне ротовую полость неким подобием небольшой губки и намазывает растрескавшиеся, сухие губы вазелином, запах которого обманывает мозг, наводя на мысль, что его можно попробовать на вкус. Иногда она объясняет мне, что делает, иногда забывает. На самом деле мне страшно хочется пить, но она не дает. Не знаю, как давно я здесь нахожусь, но я уже начинаю привыкать к новым ритуалам. Просто удивительно, насколько быстро человек адаптируется к любым обстоятельствам. В голове вспыхивает воспоминание, и я думаю о бабушке, когда она лежала при смерти. Интересно, ее тоже мучила жажда? *Колесики автобуса все крутятся и крутятся.*

Он приходит позже, хотя я и не знаю насколько. Его голос разбивается о стену, которую я возвела вокруг себя.

– Пока что они меня отпустили, но они думают, что я тебя покалечил, Эмбер, – произносит он. – Тебе обязательно надо очнуться.

Ничего себе! Не успел поздороваться и уже предъявляет требования. Но тут до меня доходит, что я просто не заметила, как он вошел, что он мог находиться в палате уже какое-то время и что-то мне говорить, а я его просто не слышала. Его голос звучит так, будто он неловко пародирует сам себя. Я не могу понять, что за этим скрывается – что странно, ведь я его жена. По идее, я должна уметь различать, звучит ли в его голосе гнев или страх. Может быть, дело именно в этом, может быть, это одно и то же.

Я помню, что он ушел с полицейскими. Пол не будет об этом говорить, как бы сильно я этого ни хотела. Вместо этого читает мне газету, объясняя, что, по словам доктора, это может помочь. Все новости какие-то печальные, и у меня возникает вопрос, чем это можно объяснить: то ли он преднамеренно опускает радостные, то ли таковых в мире вообще больше не осталось. Потом он умолкает, и я досаую на невысказанные слова. Я хочу, чтобы он рассказал обо всем, что с ним происходило, пока я лежала тут. Мне необходимо это знать. Время бросило меня, ушло вперед, и я никак не могу его догнать. Полиция его не арестовала, раз он здесь, но в этой истории явно что-то не так. Муж по-прежнему сидит в моей палате, но больше не издает ни звука. Я представляю, как он смотрит на меня, и с беспокойством пытаюсь понять, как сейчас выгляжу в его глазах. Что бы я в этой жизни ни делала, ему от меня одни только разочарования.

Когда не за что ухватиться, меня уносит течение. Голоса в голове перекрывают тишину, воцарившуюся в палате. Самый пронзительный – мой собственный, он без конца напоминает мне обо всем, что я сказала и сделала, чего не сказала и не сделала, а также о том, что должна была сделать и сказать. Я чувствую, как на меня надвигается волна, в ее ожидании по воде пробегает рябь. Я уже научилась просто подчиняться ее воле, когда она рядом, ей проще просто поддаться. Боюсь, что в один прекрасный день темная вода поглотит меня навсегда и я уже никогда не смогу подняться на поверхность. Подвес маятника всегда либо справа, либо слева. Люди всегда или наверху, или внизу. Когда я внизу, мне очень трудно подняться наверх, а на этот раз меня затянуло глубже, чем когда-либо. Даже если мне удастся вспомнить дорогу к нормальной жизни, я не думаю, что узнаю себя в конце пути.

– Как бы мне хотелось знать, слышишь ты меня или нет, – говорит Пол.

У меня кружится голова, и как только я пытаюсь настроиться на его слова, их тут же заглушает треск и помехи. Его голос принимает какую-то злобную форму, а когда он встает, ножки стула угрожающе скрежещут по полу, будто о чем-то меня предупреждая. Он низко наклоняется надо мной и всматривается мне в лицо, будто подозревая, что я притворяюсь.

А потом на горле я чувствую его широкие ладони.

Ощущение длится всего секунду, я тут же понимаю, что все это лишь игра воображения, что ничего такого просто не могло быть. Смутный отголосок давно забытого воспоминания,

но даже и оно лишено смысла, потому что Пол просто не смог бы так поступить. Я пытаюсь осмыслить то, что сейчас испытала, но мне больше не удастся отделить фантазию от реальности. Пол ходит взад-вперед по палате, и мне хочется, чтобы он остановился. Усилия, направленные на то, чтобы слушать звук его шагов, меня утомляют. Я не хочу бояться собственного мужа, но он теперь какой-то не такой, а с его новой версией я не знакома.

Приходит Клэр, а вместе с ней краткое облегчение, которое тут же смывает волна замешательства. Мне кажется, они сейчас опять начнут ссориться, однако оказываюсь не права. Я думаю, что он сейчас уйдет, но ошибаюсь.

Идут солдатики наверх⁴.

Они будто переключили между собой скорость.

И вниз они идут.

Судя по звукам, они обнимаются. Я мысленно себя одергиваю, надеясь, что Клэр спросит, о чем с ним говорили в полицейском участке, но по их разговору понимаю, что она и так уже все знает.

А иногда, когда стоят,

Интрига набирает обороты и продолжается уже без меня за пределами палаты.

Они ни там, ни тут.

Я завидую осведомленности Клэр. Я завидую всему на свете.

Появившись у нас дома, она только то и делала, что плакала. Ей нужно было все их внимание, она вела себя так, что вся наша жизнь стала вращаться вокруг нее. После этого родители перестали слышать по ночам *мои* слезы, они совсем перестали меня замечать. Я стала дочерью-невидимкой. Крики Клэр будили всех нас, но только мама вставала, чтобы с ней побыть. Именно мама хотела, чтобы у нас была Клэр. Меня ей было недостаточно, теперь я хорошо это понимаю. Наша семья выросла с трех до четырех человек, хотя на самом деле мы не могли себе этого позволить: любви на всех попросту не хватало.

⁴ Слова колыбельной «The Grand Old Duke of York».

Недавно

Вторник, 20 декабря 2016 года, вечер

Я сходила в магазин, на этот раз за едой. Вернувшись домой, первым делом распаковываю замороженные продукты, затем охлажденные, потом остальные и раскладываю все по местам. Больше всего усилий требует буфет. Я достаю каждую банку и бутылку. Протираю полки и начинаю все сначала, аккуратно расставляя их по размеру этикетками вперед. Когда все готово, на улице уже совсем темно. В домике в дальнем углу сада горит свет, значит, Пол еще работает. Может, сейчас как раз вышел из очередного сюжетного затруднения. Я ставлю в холодильник бутылку кавы – сегодня на работе я одержала победу, маленькую, но отпраздновать все равно стоит. «Проект Мадлен» явно стартовал великолепно. На дверце холодильника стоит опорожненная наполовину бутылка белого вина. Что-то я не помню, чтобы видела ее там раньше. Я белого не пью, Пол тоже. Вероятно, муж использовал его в готовке. Я вытаскиваю проблемную бутылку, наливаю себе бокал и встаю у плиты. На вкус как кошачья моча, но жажда заставляет меня выпить все до дна.

Когда ужин почти готов, я накрываю на стол в столовой, где мы почти никогда не едим, включаю музыку и зажигаю свечи. Теперь не хватает только супруга. Он не любит, когда ему мешают писать, но уже девятый час, и мне хочется провести остаток вечера вместе. Он не станет возражать, когда узнает, что у нас сегодня его любимая баранина. Я выхожу в сад, щеки обжигает холодом. Лужайка местами скользкая, я почти не вижу, куда иду, дорогу освещают лишь тусклые проблески лампочки в хижине.

– Добрый вечер, господин писатель, – говорю я дурацким низким голосом и открываю дверь.

Но когда вижу, что в домике никого нет, улыбка тут же меркнет. Я на несколько секунд замираю на пороге и оглядываюсь по сторонам, словно он где-то спрятался. Потом выхожу на улицу и всматриваюсь во мрак, будто он, притаившись за кустом, сейчас выскочит и закричит: «Ага!»

– Пол?

Не знаю, зачем я его зову, хотя глаза мне недвусмысленно сообщили, что его здесь нет. В груди нарастает ужас и хватает меня за горло. В доме его тоже не видно, я вернулась два часа назад, и за это время он наверняка бы себя как-то проявил. Муж, который практически никогда никуда не отлучается, ушел, а я была настолько поглощена своими мыслями, что даже этого не заметила. Только не надо паниковать. У меня всегда было слишком живое воображение, в любой ситуации я опасаясь худшего. Уверена, отсутствию Пола есть самое что ни на есть простое объяснение, но голоса в моей голове настроены не так оптимистично. Я бегу обратно в дом, поскользываясь на грязной траве.

Переступив порог, опять зову Пола. Ответа нет. Набираю номер его мобильного и слышу наверху негромкий звонок.

Я осознаю, что он доносится из нашей спальни, и меня накрывает волна облегчения – может, он лег вздремнуть или плохо себя почувствовал. Я взмываю вверх по лестнице и распахиваю дверь, посмеиваясь над собственным нелепым беспокойством. Кровать застелена, Пола нигде не видно. Он никогда не заправляет постель. Я на мгновение застываю в замешательстве и еще раз набираю его номер. Звучит знакомый звонок – значит с помещением я не ошиблась – но почему-то из закрытого шкафа. Моя слегка дрожащая рука тянется к ручке. Я мысленно обзываю себя душой; можно не сомневаться, что всему этому есть вполне логичное объяснение – Пол не сидит в подвешалками, детей, которые играли бы в прятки, у нас нет, и это не фильм ужасов, где в каждом шкафу тебя поджидает труп. Пальцы поворачивают ручку и открывают

дверцу. Ничего. Я звоню еще раз и вижу мерцание, приглушенное карманом его любимого пиджака. Тайна пропавшего телефона разгадана, чего нельзя сказать о тайне исчезнувшего мужа. Тут я обнаруживаю дорогой на вид розовый подарочный пакет, спрятанный под рядом джинсов и хлопковых футболок, которые Пол называет «униформой писателя». Я вытаскиваю его, заглядываю внутрь и осторожно разворачиваю оберточную бумагу. Черный атлас с кружевами отзывается в пальцах давно забытым ощущением – что-то подобное я когда-то действительно носила. Вероятно, это он мне подарит на Рождество. Обычно он ничего такого не покупает. Бюстгальтер, похоже, немного маловат, и я смотрю на ярлык. Размер не мой, надеюсь, Пол сохранил чек.

В каком-то тумане я спускаюсь вниз и проверяю, выключена ли плита. Я еще не закончила свой ритуал, когда в глаза опять бросилась бутылка белого вина, теперь уже пустая, и в голове вспыхнуло озарение. Такое очень любит Клэр. Она была здесь. Я ошалело ахаю, прикрываю рукой рот, бросаюсь на кухню и извергаю в раковину содержимое желудка. Когда выходить больше нечему, сплевываю, открываю кран и вытираю лицо кухонным полотенцем. Трижды проверяю плиту, хватаю сумочку и быстро оцениваю ее содержимое. «Телефон. Кошелек. Ключи». – Я говорю это вслух, убедившись в их наличии, как будто слова делают предметы реальными. Я направляюсь к выходу, но в коридоре останавливаюсь и опять заглядываю в сумочку. «Телефон... Кошелек... Ключи...» На этот раз произношу медленнее, задерживаясь взглядом на каждом предмете, чтобы поверить, что все и правда на месте. Однако даже после этого проверяю их опять, перед тем как закрыть за собой дверь.

Клэр живет рядом, всего в километре от нас. И хотя идти туда недалеко, я жалею, что не накинула пальто – на улице холодно. Я обхватываю себя руками и шагаю вперед, не поднимая от тротуара глаз. Проходя мимо вереницы совершенно одинаковых домов, чувствую слабый запах газа, который вползает в ноздри, добирается до горла и проваливается вниз. Меня опять охватывает тошнота, я прибавляю шаг. На этой улице Клэр живет уже давно, дом теперь принадлежит им, как и расположенный по соседству гараж Дэвида. Квартал мне до такой степени знаком, что их дверь я могла бы найти даже с закрытыми глазами. Но нет, мои глаза открыты, и первым делом я вижу машину Пола. Ее нельзя не заметить. Подержанная зеленая «М-Джи Миджет» 1978 года выпуска, любовно восстановленная и вновь сияющая во всей своей былой красе, на мой взгляд весьма сомнительной. Муж купил этот автомобиль на аванс за свой первый роман и теперь любит его почти так же, как я ненавижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.